

ЛЕНА СОКОЛ

Теория
поцелуя

Лена Сокол
Теория поцелуя
Серия «Молодежная серия», книга 8

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48415987
Теория поцелуя: Эксмо; Москва; 2019
ISBN 978-5-04-105327-7

Аннотация

У Лены большая проблема: если она не закроет долги по учебе, родители не отпустят ее в Лондон. В голову девушки приходит гениальная мысль: а что, если охмурить отличника Исаева? С его помощью она легко сможет сдать сессию! Но и Женя Исаев не так прост, как кажется: у щуплого очкарика, давно влюбленного в Лену, имеется своя теория. Заключается она в том, что даже один поцелуй может запустить химическую реакцию необратимой влюбленности. И парень твердо намерен использовать свой единственный шанс, чтобы доказать ее.

Содержание

1	6
2	18
3	31
4	43
5	49
6	57
7	71
8	82
9	90
10	100
Конец ознакомительного фрагмента.	105

Лена Сокол

Теория поцелуя

© Сокол Е., 2019

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

* * *

*Посвящается моим читателям – бесстрашным
мечтателям и неисповимым романтикам*

Где-то во Вселенной нас слышат, поэтому лучше формулировать свои желания точно и четко, – теперь я на сто процентов убежден в этом. Одна беда – никто не говорил мне об этом раньше.

Лена Гаевская. Она была моей самой большой мечтой последних двух лет. Мечтой и наваждением. Прекрасная, как ласковое весеннее солнышко. Загадочная, как тихая летняя ночь. Яркая, изящная, совершенная, как созвездие Южной Короны, которое лучше всего наблюдать в жарком июле.

Дело в том, что я давно уже выяснил: мы с Леной идеально подходим друг другу по всем параметрам. Жаль, что она этого не знала – просто потому, что не замечала меня. И, что бы я ни делал, я по-прежнему оставался для нее невидимкой – меня словно не существовало в ее системе координат.

Но сегодня все изменилось.

Нет, не так: сегодня все изменилось навсегда! Теперь меня заметила не только она, но и добрая половина универа. Еще бы! Так крупно облажаться... Но давайте по порядку.

1

Меня зовут Женя Исаев. Мне нравится читать классическую литературу, строить машины Голдберга (это такие штуковины, которые работают по принципу домино), кататься на велике, а еще я люблю своих странных друзей, с которыми мы вместе учимся в Политехе.

Я простой студент, мне восемнадцать лет. Ношу очки, всегда сдаю экзамены на «отлично» и никогда не пропускаю лекции. Ах да, забыл добавить: девушки у меня никогда не было. Не потому, что у меня какие-то там убеждения насчет этого, нет... Надо сказать, слабый пол почему-то не проявляет ко мне никакого интереса.

Не то чтобы меня это сильно волновало, но с тех пор как я влюбился в Лену, стало немного напрягать.

Вот мой лучший друг Антоха Майкин совершенно не парится по этому поводу. Невысокого роста, полноватый, с тараканьими ресницами и рыжими веснушками, он считает себя крайне привлекательным, да что там – почти неотразимым. Решив однажды добиться сердца главной зубрилы нашего курса Марины Савиной, он прет по этому пути, получая отказ за отказом, но не желает признавать своих неудач.

Вот и сегодня, едва завидев ее, он выпятил грудь колесом и толкнул меня в бок:

– Заметил, как она на меня посмотрела? Запала, я ж тебе

говорил! Спит и видит, как мы будем встречаться.

– Кто? Маринка? – кашлянул я, маскируя вырвавшийся смешок.

– Ага! Гляди, как пожирает меня взглядом.

Савина тем временем дожидалась подруг возле автобуса и разговаривала по телефону.

– Да она на тебя даже не смотрит!

– Отвела взгляд, чтобы я не заметил, – с улыбкой сообщил Антон, – но пусть еще помучается, пусть созреет. Женщины любят тех мужчин, чье внимание нужно завоевывать.

Я покачал головой. В моей жизни было совсем не так. Я знал о Лене Гаевской многое, а вот она, пожалуй, даже не подозревала о моем существовании. Мы уже два года учились в университете, посещали общие лекции, то и дело случайно сталкивались в коридоре или библиотеке, но у меня не было ни единого шанса с ней заговорить.

Только она одна в целом мире действовала на меня подобным образом. Едва я замечал ее в помещении, как меня накрывало полуобморочное состояние: дрожали ноги, исчезали слух и зрение, а мозг, казалось, распадался на мелкие пылинки.

Однажды между нами состоялось что-то вроде разговора. В библиотеке.

Лена пришла сдавать методички, я стоял за ней в очереди. Наверное, я даже имя свое не назвал бы, если бы она меня тогда спросила. Так сильно меня переключило от ее близо-

сти и от тонкого аромата цветущей яблони, исходившего от ее волос. И вот когда я захмелел, наклоняясь к ней все ниже и сильнее втягивая носом этот запах, девушка вдруг обернулась и безразлично скользнула по мне взглядом... Бам! У меня дыхание остановилось. Инфаркт миокарда. Во-о-от такой рубец!

Шучу, конечно. Но ощущение было похожее – словно душу из тела вынули, а потом обратно зашвырнули. До сих пор забыть не получается.

Два года в моей жизни не происходило ничего интересно-го, за исключением Лены. И пусть мы ходили с ней разными дорогами: она – на машине, а я – в автобусе по проездному билету, она вечером – в клуб, а я домой – спать. Но мне было точно известно: эта девушка для меня, она – моя.

Оставалось набраться смелости и сообщить ей это.

Да что там сообщить? Хотя бы познакомиться и начать общаться, а дальше уже само собой. Да?

Поэтому я и пришел сегодня к университету, где собрались на ступенях почти все студенты нашего курса. Мы должны были поехать на экскурсию, на одно из секретных ракетных производств за городом. Разумеется, все нам не обещали показать – не положено, но мы надеялись хотя бы в пару цехов заглянуть краем глаза.

Конечно, мне был интересен процесс производства комплектующих для ракетных двигателей. Хотелось посмотреть, как все устроено внутри завода. Но записался я на эту

экскурсию исключительно потому, что увидел фамилию Лены в списках. Неформальная обстановка, автобусы, природа, дорога – что еще нужно? Я решил, что это мой шанс!

Лена

– Девочки, и как, по-вашему, я буду смотреться в мини и на каблучках в вонючем трясущемся автобусе? – спросила я, выбираясь из тачки. – Может, надеть кроссовки, пока не поздно?

Жанна и Окси переглянулись. Презрительно наморщив носики, они одновременно фыркнули и покинули салон иномарки.

– Вечно ты начинаешь, Ленка! – сердито бросила Жанна, хлопая дверцей своего авто. – Целых два часа провели с тобой в салоне, чтобы сделать укладку. И ради чего? Чтобы ты поперлась на мероприятие в стремных кроссачах, как какое-то сельпо?

– Да это всего лишь экскурсия! – напомнила я, одергивая коротенькую юбочку. – Сядем сейчас в автобус, и там будет жарко. Через пять минут от укладки не останется ничего, кроме вялых спагетти на голове!

– Она опять ноет! – принялась обмахивать себя руками Окси.

– Она ноет... – покачала головой Жанна.

– Леди не ноют! – пропели они одновременно.

Я тяжело вздохнула.

Да, эти девчонки всегда знают, как лучше для истинной леди. И я каждый день напоминаю себе о том, что попасть к ним в компанию – большое везение для меня. Дружить с Жанной и Окси – это как выступать в высшей лиге. Привилегия избранных, понимаете?

– Малышка, поправь-ка декольте, – подсказала Жанна, когда мы направились к стоянке, на которую вот-вот должны были подъехать автобусы.

– Мы тебя прикроем, – улыбнулась Окси, вставая передо мной стеной. – Вот так, приподними-ка свои мячики. Харитоша увидит их и потеряет дар речи, точно тебе говорю!

Я послушно поправила бюстгальтер.

– И топ, – подсказала Жанна. – Да, сделай вот так, чтобы лямки было видно – это сексуально.

– А вот и он! – с придыханием сообщила Окси. – Нет-нет, не оборачивайтесь. Сделайте вид, что мы болтаем.

– О чем?

– Боже, так хоть о чем! – Жанна откинула назад темные волосы. – Да-да, были вчера в клубе Idol, шикарный сервис! А какая шоу-программа!

Пока они щебетали о всякой ерунде, я, сгорая от волнения и любопытства, посмотрела через плечо. Ох! Он действительно был хорош! Тот, о ком все говорили. Тот, на кого заглядывались все девушки курса. Тот, чье внимание я безуспешно пыталась привлечь уже несколько месяцев. Высо-

кий широкоплечий блондин Харитон Кошкин!

Он приближался к нам с компанией своих друзей-баскетболистов. Ребята были как на подбор: подтянутые, рослые и крепкие. Они встречались только с лучшими девчонками университета, и тусоваться с ними было голубой мечтой Жанны и Окс.

– В прошлом сезоне топ-модели победила эта... ну как ее... курица ощипанная, помните? – Жанна взмахнула руками.

Я поспешила повернуться к девочкам. В этот момент кто-то за моей спиной громко присвистнул.

– Привет, девчонки!

Жанна и Окс как по команде обернулись:

– О, приве-е-е-ет! – Будто только этого момента и ждали.

– Как дела? – раздался голос Харитона теперь уже прямо над моим ухом.

– Все хорошо! – Зарделась Жанна, наматывая локон на палец.

– Как дела, Ленок? – спросил Кошкин, заглядывая мне в лицо.

Я вздрогнула, потому что почувствовала, как его ладонь скользнула по моей заднице.

– Привет, – ответила, криво улыбаясь. – Это ты...

Его друзья прошли мимо, не останавливаясь. Бросив на них короткий взгляд, Харитон снова посмотрел на меня:

– Значит, вы тоже на экскурсию? – спросил он.

– Да-а-а! – хором ответили девчонки.

Кто-то из них ткнул меня в бок.

А я все стояла и смотрела на спортсмена снизу вверх. Какой же он огромный... и сильный, даже неуютно как-то. Хотя Харитон, безусловно, красавчик. Светлые волосы, голубые глаза, бицепсы, которые, словно взбесившись, натягивают рукава футболки. Да и девчонки тащатся от его красоты... Думаю, мне крупно повезло бы, если бы такой парень, как Кошкин, обратил на меня внимание.

– Ладно, еще увидимся, – подмигнул Харитон.

Развернулся и поспешил за друзьями.

– Он такой милый! – прошептала ему вслед Жанна.

– Такой классный! – Обмахиваясь ладонями, точно веером, пробормотала Окси. – А какая задница!

Я потянула вниз подол ненавистой юбки. Не хватало еще, чтобы она задралась и показалось нижнее белье. Зря послушала девочек, лучше бы шорты надела!

– А ты чего стояла как вкопанная? – не могла не уколоть меня Жанна. – Хоть бы улыбнулась ему!

– Ты ему понравилась! – поддержала Окс.

– Да? – Кажется, я не могла поверить своему счастью.

– Еще бы! – воскликнула Жанна. – Я ни разу не видела, чтобы он кому-то подмигивал.

– И он назвал тебя по имени!

– Да? – Я прокрутила в памяти последние секунды нашей встречи и сглотнула. А ведь верно – назвал...

– Это успех! – заключила Окс.

– Однозначно, – поддержала ее Жанна.

– Если ты будешь встречаться с Харитошей, мы будем гулять с парнями в одной компании. Ха-ха, эти индюшки утрутся! – Окс поправила свои светлые кудряшки. – Представляю их лица!

– Они умрут от зависти! – добавила Жанка.

Девчонки называли индюшками враждебную группировку: заносчивых Вики, Майку и Тину. Они занимались танцами и частенько выступали в качестве группы поддержки в перерывах на баскетбольных матчах.

Жанка долго убивалась по одному из друзей Харитона – Матвею Скачкову. Они время от времени встречались, пока одна из индюшек – Майка – не увела его у нее прямо из-под носа. Интрижка получилась короткой: Матвей переспал с Майкой и тут же бросил. Но Жанка не простила соперницу и постоянно искала повод утереть той нос. Вместе с Окс они полагали, что, если мы станем официальными подружками баскетболистов, то кровавая война между кланами закончится нашей победой.

Я не особо разбиралась в хитросплетениях здешних интриг, но старалась во всем слушаться старших девочек. Все-таки наши отцы: мой, отец Жанны и отец Окс – были партнерами в крупной строительной фирме. А значит, мы с девчонками не просто так держались друг за друга. Мы чувствовали прочную связь между нами и особую силу.

На первый взгляд все это кажется сложным, знаю. Но мама всегда говорила, что нужно искать близких по духу и статусу людей. Я следую ее совету. И теперь нахожусь в хорошей компании, а не как в школьные годы, когда меня вечно задирали по поводу моей тощей фигуры, и Ромке, моему брату, вечно приходилось вступаться, чтобы меня не обзывали Костью и Дрищей.

– Лен, ты идешь? – окликнула Жанка.

Пока я задумчиво топталась посреди площадки, студенты уже разделились на кучки и ринулись занимать свободные места в автобусах.

– Да, – кивнула я, – мне бы теперь забраться в автобус так, чтобы не сверкнуть трусами.

– Мы тебя прикроем! – подтолкнула меня к одному из автобусов Окси. – Мы же команда! Вперед!

Неуклюже вихляя бедрами, я в сопровождении боевых подруг направилась к дверям автобуса, в который только что вошел Харитон. Прежде чем войти, осмотрелась. К своему неудовольствию, отметила, что остальные ребята были одеты соответственно случаю: джинсы, рубашки, футболки, кеды. Ни одного человека в юбке или на шпильках.

– Мой наряд напоминает если не новогоднюю елку, то прикид загулявшей выпускницы, – простонала я вполголоса.

– Нужно всегда выглядеть роскошно, – напомнила Жанна, подталкивая меня вверх по ступеням.

И сама двинулась следом, чтобы прикрыть мои тылы.

– Детка, ты выглядишь на миллион! – заверила Окс, заходя в душный салон следом.

Я поднялась и брезгливо поморщилась. Студенты набивались в автобус как селетки в бочку. И дышать, конечно же, уже было нечем.

Зря! Зря я повелась на уговоры подруг. Выглядеть, конечно, всегда нужно роскошно, даже когда идешь в булочную за хлебом, но, блин, у меня кожа под слоем косметики моментально сопрела! Стоило только войти в автобус, как волосы беспомощно повисли, по спине побежал пот, и лишь юбка, преодолевая законы гравитации, продолжала предательски ползти вверх к талии.

– За нами свободно! – махнул рукой Харитон. – Идите сюда!

Я благодарно выдохнула и поспешила дальше по узкому проходу. Не терпелось прижать задницу, чтобы перестать удерживать рукой подол.

– Я у окна! – взвизгнула Жанна.

– А я с тобой! – Оттолкнув меня, протиснулась Окс.

– А мне куда? – Я огляделась.

– Там еще есть место сзади, – подсказали подруги.

Обнаружив два свободных места, я протиснулась к ним и заняла то, что было у окна. На второе положила сумочку и уставилась в окно. Я мечтала только обо одном: чтобы эта поездка поскорее закончилась. Больше никаких укладок, никаких коротких юбок, розового блеска для губ и каблуков.

Ни за что!

– Эй, лошара, протри очки! – послышался голос Харитона.

В автобусе раздался дружный смех. Я повернулась и увидела, как несколько ботаников – девчонок и парней – протискивались по узкому проходу на галерку.

– Мест нет! – проорал им кто-то сзади.

– Идите в следующий автобус!

– Как это нет, а это что? – возмутилась высокая ботаничка в очках с пучком на голове. – Так, девочки, садимся сюда!

Сложив руки на груди, я безучастно отвернулась к окну.

Как же это все надоело. Скорее бы лето, сессия, а потом угнать в Лондон на все каникулы...

– Проходи, не стой!

– Занято!

– И здесь занято!

Я зевнула и закрыла глаза. И охота им издеваться над бедными зубрами? Судя по звукам, теперь ребята гнали заучек, не нашедших себе свободных мест, с галерки обратно к выходу.

– Эй, очконос! – раздался голос Харитона.

Послышался глухой удар. Я открыла глаза и повернулась. Кажется, один из отличников растянулся на полу в проходе под общий смех. Неловко приподнявшись, он поправил очки и, краснея, оглядывался по сторонам, отыскивая того, кто посмел подставить ему подножку. Кроме меня, на парня ни-

кто не смотрел.

– Ты... вы... – прорычал он.

Мы встретились взглядами, и парень застыл с открытым ртом, будто что-то хотел спросить, но забыл, что именно.

Ясно, ему некуда деться.

Пока дойдет до выхода из автобуса, эти придурки еще пару раз успеют подставить ему подножку. Ладно, черт с тобой!

Я забрала сумку и небрежно кивнула на соседнее сиденье.

Очкарик продолжал непонимающе моргать, глядя на освободившееся место. В чем проблема? Не нравится место, вали. Я нахмурилась, разглядывая его. Обычный парень. Достаточно высокий, подтянутый, лицо правильной формы, пухлые губы. Модная стрижка, копна каштановых волос, очки в неплохой оправе. Кажется, я его раньше не видела. Новенький, что ли?

– Падай, – произнесла я безразлично. И отвернулась к окну, тут же потеряв к этому персонажу всякий интерес.

Женя

Какая же она красивая!

– Спасибо, – пробормотал я под нос и сел рядом с ней.

Красивая, а еще добрая. Таким приятным милым девушкам вовсе не обязательно краситься или вызывающе одеваться, чтобы показать свою красоту. Зачем она так нарядилась на экскурсию?

Я поерзал. И куда мне теперь убрать рюкзак? Здесь так узко, душно и неудобно. Зачем я вообще взял его с собой?

Вздохнув, положил рюкзак на колени. Поправил очки. Почесал лоб, затем висок. Прихватил зубами заусенец, отпустил. От осознания того, что рядом сидит девушка моей мечты, у меня начинала неумолимо подниматься температура. Невозможно же вот так просто сидеть рядом с ней, да? Нужно, наверное, о чем-то поговорить.

Автобус наконец-то тронулся. За окном мелькали дома и деревья, а у меня никак не получалось спокойно усидеть на месте. Куда деть руки? Вы когда-нибудь слышали, чтобы человеку мешали его собственные пальцы? Вот мои сейчас жили отдельной жизнью: лежали поверх рюкзака и отстуки-

вали похоронный марш в ускоренной перемотке. Я попытался их усмирить, до боли сжав в кулак, но тогда они затряслись с такой силой, что только слепой бы этого не заметил.

Интересно, Лена видит, в каком я состоянии? Смотрит сейчас на меня?

Я осторожно повернул голову, и мой взгляд, скользнув по профилю девушки, тут же нырнул в ее декольте. Господь мой, создатель! Клянусь, это вышло совершенно случайно. Я не собирался пялиться на ее... на ее... Боже... Удушливый жар поднялся откуда-то из живота и ударил мне в лицо. Ба-бах!

Я отвернулся и уставился на свои руки. Теперь еще и ладони вспотели. Нужно было срочно куда-то их спрятать. Куда? О, в карманы!

Я дернулся, пытаясь сунуть потные ладони в карманы джинсов и заехал Лене локтем в плечо.

– Ай! – воскликнула она и потерла место ушиба.

– Прости...

Лена тяжело вздохнула и отвернулась обратно к окну:

– Аккуратнее.

Ну вот, я все испортил...

– Пс! Псы! – донеслось справа.

Я взглянул в сторону звука – неумный Майкин. Ему удалось занять место позади зануды Савиной. Наверняка будет всю дорогу доставать ее своими разговорами. Если бы не «дулька» на голове отличницы, готов поспорить, он бы дер-

гал ее за косички.

– Что? – спросил я его одними губами.

Друг показал мне большой палец и подмигнул: «Круто!» Конечно, круто. Я мечтал о том, чтобы сесть рядом с ней, целых два года. Откуда ж мне было знать, что это будет так тяжело? Теперь нужно как-то поддерживать разговор, а в голове... совершенно пусто. Может, что-нибудь у нее спросить? Но что? Сделать комплимент? Говорят, что девушки любят комплименты. Но разве можно выделить что-то одно, если в ней все прекрасно? Господи, как же тяжело...

– Ты не откроешь форточку?

– Что? А... Я... да... – начал заикаться я.

О чем она спросила? Ее вопрос застал меня врасплох.

– Да, – ответил я.

– Форточка, – напомнила Лена, хмурясь.

Форточку? Да запросто!

Я соскочил, рюкзак упал мне в ноги, пришлось наклониться, чтобы его поднять. Стукнулся лбом о сиденье впереди.

– Можно не пинаться? – возмутилась сидящая передо мной девушка.

– Простите!

Почесал лоб, выпрямился, одернул джемпер, оскалился в попытке улыбнуться Лене – вышло как-то криво. Еще раз поправил очки, случайно наступил ей на ногу. Увидел, как Лена закатывает глаза от боли, и расстроился. Ну ничего, сейчас открою форточку, ей будет приятна моя помощь. По-

тянулся к рычажку, попытался повернуть.

– Что там? – спросила она.

– Кажется, заклинило.

Нельзя ударить в грязь лицом.

Напрягся, вцепился в бедный рычаг сразу двумя руками.

Я тебя все равно поверну!

– Не получается?

– Нет! – прорычал. – Сейчас...

– Давай, помогу!

Лена попыталась встать, но в этот момент я выдрал рычаг и полетел назад. Теперь Лене досталось локтем по голове.

– Ой!

В этот самый момент автобус попал в колдобину, и мы рухнули вниз уже вдвоем. Я спиной на пол, она на меня сверху.

– Прости, – промычал я, барахтаясь и пытаясь подняться.

– Ай! – вскрикнула Лена, лежа на моей груди.

От одной только мысли, что она лежит сейчас на мне в проходе между креслами, у меня чуть не случился удар. Нужно быстрее встать!

– Сейчас-сейчас... – задергался я.

– Ай! А! – еще громче завопила Лена, припадая к моей груди щекой.

– Что такое?

– Да подожди ты! – взмолилась девушка.

Я замер, лежа на спине и держа в руках проклятый рычаг.

Встать? Лежать? Что мне делать? Что происходит?!

– Эй, а чем вы там занимаетесь? – рассмеялся кто-то.

– У меня сережка в твоём джемпере застряла, – прошептала Лена.

– Я помогу. Нужно только привстать.

Мы осторожно начали подниматься.

Все уже буквально валялись от хохота. Ребята показывали на нас, махали руками, свистели. Громче всех ржал баскетболист Харитон Кошкин. Я узнал его по голосу. Мерзкий тип – тупая двухметровая горилла с интеллектом хомячка. В прошлом году он снялся в рекламе крема от грибка ногтей и стал местной звездой. Надо мной уж точно все смеялись бы после такого ролика, а Харитошку, как мы его с Антохой называли, сокурсники побаивались, поэтому ему повезло больше, и реклама только добавила спортсмену очков.

– Вот так, еще немного... – У меня кружилась голова от нежного, сладкого запаха Лениных волос. Мы приподнялись, и я аккуратно убрал ее светлые пряди в сторону, ухватился за украшение, повернул дужку и освободил от него мочку ее уха. – Осталось только отцепить саму сережку.

Лена выпрямилась, схватилась сначала за ухо, затем, заметив, что на нас все смотрят, одернула юбку и рухнула обратно на свое место:

– Чего уставились?! Представление окончено!

– Ленка, а на меня запрыгнешь?

– А на меня? А на меня? – посыпались со всех сторон

смешки.

– Она только на Левицком скачет! – заржал кто-то в передней части салона.

– Пошли вы... – только и сказала она, отворачиваясь к окну.

Мне хотелось сказать что-то в ее защиту, но я боялся сделать еще хуже. Было видно, что Лене хочется скорее закрыть эту тему. Она и так, должно быть, сильно переживала, когда гад Левицкий месяц назад растрепал своим друзьям о том, что у них что-то было.

Я сел рядом, отцепил сережку и протянул ей.

– Держи!

Она молча взяла украшение и бросила в сумочку, заодно проверила телефон и поправила прическу. Мне хотелось чем-то помочь девушке, как-то утешить ее, но Лена, занавесившись от меня волосами, молча смотрела в окно.

И лишь когда она шмыгнула носом, меня прорвало:

– Наверное, ты не помнишь меня. Меня зовут Женя. – Я придвинулся к ней немного и понизил голос, чтобы меня никто не услышал. – Мы с тобой иногда встречаемся на лекциях или в библиотеке... и в столовой... в общем... Прости, что так вышло. Неловко, конечно. Я не специально прицепился к тебе. Вообще-то, это ты ко мне прицепилась, но это тоже неважно... Я просто хотел сказать... правильно, что ты не реагируешь на их усмешки. Дуракам ведь ничего не докажешь.

Лена тяжело вздохнула и прислонилась лбом к стеклу.

– Пусть они думают, что хотят, – продолжил я, – они просто тебе завидуют. Ты умная... – Я судорожно сглотнул. – Красивая. Добрая. Тебе не надо что-то им доказывать... Просто будь собой. Есть люди, которым ты нравишься и такой...

Боже, что я несу? Провалиться бы на месте прямо сейчас.

– Извини, мелю, что попало, – шумно выдохнул я. – Лучше я помолчу.

Сложил руки на коленях.

– Ты что-то сказал? – вдруг спросила Лена, обернувшись. И достала из уха маленький наушник.

Она меня даже не слышала.

Лена

Левицкий! Левицкий...¹ Ну почему они до сих пор о нем не забыли? Едва я услышала эту фамилию, как внутри все вспыхнуло огнем раздражения и обиды. Захотелось закрыться от всего мира, забраться в скорлупу и плотно зашторить занавески.

Этот парень был одной из моих ошибок. В чередe неудач и неправильных поступков мне суждено было нарваться

¹ Тим Левицкий – герой книги Лены Сокол «Обаятельное чудовище». Как второстепенный персонаж он появляется впервые в «Нана», затем в «Разрешите влюбиться» и «С тобой? Никогда!».

именно на него! Тим Левицкий. Наглец, грубиян и известный на весь университет ловелас. Идея закрутить с ним, чтобы Харитон меня заметил и немного приревновал, показалась мне тогда почти гениальной.

Я не собиралась переступить черту, не хотела встречаться с Тимом. Просто думала, что невинный танец на одной из вечеринок заставит Кошкина наконец обратить на меня внимание. Но он не обратил. А спиртного было так много, что через пару часов я уже не понимала, что вообще со мной происходит.

Мы оказались в одной из комнат, Тим шептал комплименты и гладил мои бедра, а потом начал целовать. Помню, что было щекотно, но приятно. Я тогда подумала: а почему бы и нет? Официального парня у меня не было, я никому ничего не была должна. Можно было ни о чем не жалеть. Но когда Тим начал снимать с меня блузку, меня просто вырвало – на него, фонтаном.

Из дальнейшего я помнила немного. Разве что его недовольные крики и нецензурную брань. А на следующий день узнала, что, оказывается, мы переспали. И пусть этого и не было на самом деле, но так Тим сказал своим друзьям. Слухи распространились очень быстро. Нет, никто не кричал мне вслед и не показывал пальцем, а некоторые девушки даже завидовали... Но я чувствовала себя грязной. Клевета, сплетни, наговоры – эта гниль распространяется быстрее любой заразы. Сначала я пыталась оправдываться перед однокурс-

никами, все отрицала. Потом отшучивалась. Потом пыталась разобраться с Тимом, с ним даже «беседовал» мой брат Рома. Левицкий все-таки взял свои слова обратно, но всем вокруг было наплевать – и на его признание, и на мои чувства. Тогда наплевала и я. К чему что-то объяснять? Проще сделать лицо кирпичом и позволить окружающим думать то, что им заблагорассудится.

Считаете меня шлюшкой? А я буду еще хуже! Всем назло. Моя одежда кажется вам вульгарной? Буду носить ее с гордо поднятой головой. Думаете, что я неудачница? Да скоро у меня будет все самое лучшее, и вам придется с этим смириться!

Черт! В каком же я дерьме!

Всхлипнув, я бросила сережку в сумку, достала наушники, вставила их в уши и врубила музыку в смартфоне. Отвернулась к окну и зажмурилась, чтобы не давать волю слезам.

На самом деле все испортилось уже давно – после школы. В тот самый момент, когда разминулись наши с Зоей² дороги.

Зойка Градова... Она была моей лучшей подругой. Мы жили неподалеку, наши родители дружили, и мы с ней все делали вместе. Играли в песочнице, ходили в школу, качались на качелях, влюблялись в мальчишек и даже писали им романтичные письма – тоже на пару.

Я окончила школу на год раньше ее. Наша семья пере-

² Зоя Градова – героиня книги Лены Сокол «Любовь по обмену».

ехала в престижный район, и я решила поступать в политех. «Какой политех? – спрашивала Зоя по телефону. – Ты же хотела учиться на журналиста!» Действительно, как-то у нас с ней был разговор об этом. Подруга начала убеждать меня поступить в универ и исполнить свою мечту. Мне все это казалось бредом. Я была настолько не уверена в себе, что даже представить не могла, что она искренне желает мне добра.

Понимаете, Зое удавалось всегда все, за что она ни бралась!

Пение, танцы, рисование. А у меня не было никаких талантов. Никаких! Кроме странного умения складывать слова в предложения. «Тебе нужно писать статьи или даже книги!» – убеждала меня подруга. А я отчаянно ей завидовала.

Ну что за талант такой – писать? Примитивный какой-то. Где и кому он пригодится?

Я тогда рассердилась на нее и оборвала наше общение. Легко ей советовать. Легко утверждать! У самой все вон как гладко в жизни идет: с учебой все в порядке, учителя ее обожают, мальчишки толпой за ней ходят – любого выбирай. А сама – невзрачная серая мышь. Что она вообще в жизни понимает? Да ей мои проблемы нужны, как козе сапоги на шпильках! А еще умничает.

Хочу в политех – пойду в политех! А она... она мне просто завидует!

В один момент я позволила чувству зависти сожрать меня буквально целиком. Конечно, я все поняла, но только го-

раздо позже. Я увидела, что мои проблемы, нараставшие как снежный ком, теперь тянули меня вниз. До меня вдруг дошло, что все вокруг складывалось совсем не так, как мне когда-то мечталось. Какие-то чужие люди, какие-то чуждые мне понятия и предметы в политехе. Все чужое. Все не мое.

Но... признать свои ошибки, сойти с накатанной колеи и начать все сначала – это пугало меня еще сильнее.

Да и поздно уже, наверное... Скорый поезд под названием «жизнь» уносил меня в другую сторону, и не было ни сил, ни желания дергать стоп-кран. Пусть все будет так, как будет. Былого не вернуть.

– Ты что-то сказал? – Я достала из уха наушник и повернулась к соседу.

Не знаю почему, но вдруг показалось, будто он обратился ко мне. В груди что-то кольнуло и внутри разлилось мягкое тепло.

– Я? – Парень дернулся, отводя взгляд. – Нет-нет!

Значит, показалось.

Я отвернулась к окну.

Через полчаса автобус остановился на заправке. Я сняла наушники и собрала в хвост вялые сосульки – все, что осталось от стильной укладки.

– Подышите свежим воздухом, прогуляйтесь, разомните кости! – скомандовал сопровождающий нас преподаватель. – Только далеко не уходите, ровно через пять минут отправляемся.

Народ радостно повалил к выходу. Когда толпа немного схлынула, я спросила у соседа:

– Ты выходишь?

– Я? А... да... – замялся он, поправляя очки.

Соскочил, вытер ладони о джинсы и припустил вперед по проходу.

Я встала и двинулась следом.

– Ну как ты там? – поинтересовалась Жанна, подхватывая меня под руку на выходе.

– Не утомил тебя очкозавр? – спросила Окси, хватая меня под локоть с другой стороны.

– Вроде нет... – улыбнулась я.

– Идем! Там есть магазин, купим попить! – Они потянули меня в сторону здания. – И туалет. Припудрим носики!

Пока мы кружили возле полок, выбирая диетические батончики, девчонки ругали меня за то, что я убрала волосы в хвост. Но мне так надоело перед ними все время оправдываться, что я лишь виновато кивнула.

Уборная на заправке оказалась грязным сортиром с ржавой водой из-под крана. Что ж, пришлось довольствоваться этим. Пока Жанна с Окси дружно пугали меня историями о том, какие микробы таятся в этом страшном месте, я представляла, что бы было с ними обеими, если бы они узнали, сколько микробов живет на их смартфонах.

– Эй, это мое место!

– Я здесь сидел!

– Дай попить!

– От кого так воняет?

Пока все шумно рассаживались в автобусе, я поискала глазами Харитона. Он и его друзья зашли в салон последними. Смеясь, они заняли свои места.

– Все в сборе? – раздался голос преподавателя.

– Да-а! – нестройным хором отозвались студенты.

Я достала наушники, вставила в уши. Автобус тронулся. Прежде чем включить музыку, взглянула на соседнее сиденье – оно пустовало.

Где он? Как его... парнишка тот.

Оглядела салон. Еще бы вспомнить, как он выглядел. Темненький такой, в очках. Пересел, наверное.

– Ты одна? – спросил внезапно появившийся Харитон.

– Я... – Растерявшись, еще раз бегло оглядела салон и перевела взгляд на спортсмена. От его ослепительной улыбки у меня вспыхнули щеки. – В общем, да...

– Тогда я присяду, – сказал он и бесцеремонно плюхнулся рядом.

Чувствуя, как противная капелька пота ползет по моей спине, я вжалась в кресло. Автобус отъехал от заправки и выехал на широкую дорогу.

– Как настроение? – придвинулся ко мне Харитон.

От смущения я сглотнула. И впервые почему-то подумала: да где же ты, чертов очкарик? Почему ты отсел?

3

Женя

– Ну как? – нетерпеливо спросил Антон, едва мы отошли от автобуса.

– Что «как»? – рассердился я, вытирая вспотевшие ладони о джинсы. Надел рюкзак и ускорил ход.

– Как вы провели время? – не унимался друг. – Поговорили?

– Почти.

– Здорово ты придумал – повалить ее на себя!

– Да тихо ты! – попросил я, останавливаясь. Проводил взглядом Лену и ее подруг, а затем повернулся к Антохе: – Ничего я не придумывал, оно само вышло, нечаянно.

– А я думал, это часть твоего гениального плана.

– Что именно? Свалить ее с ног, уронить на пол и чуть не порвать ей ухо?

– Ну... – Антоха почесал затылок. – Зато ты ее пощупал. Вздыхнув, я отвернулся и припустил в сторону заправки.

– Так пощупал или нет? – Антон догнал меня.

– У меня такого и в мыслях не было!

– А как же твоя теория тактильной привязанности?

Я сердито свел брови над переносицей:

– Моя теория не имеет ничего общего с тем, что произошло в автобусе! Если лапать девушку без ее желания, то она к тебе точно не привяжется. Данный прием работает только на следующей стадии отношений.

– Которой именно, – усмехнулся Майкин, – той, что идет после «она меня не замечает», но до «она даже не знает моего имени»?

– Как смешно!

– Очень. – Он нахмурился. – Я клоню к тому, что ты еще ничего не сделал, чтобы перейти от одной стадии к другой.

– Ты знаешь, что это не так.

– И что ты делаешь, чтобы завоевать ее? – спросил Антоха, обогнав меня, и преградил путь.

– Многое! – честно ответил я.

– Только она об этом не знает!

– Ну и что. – Я вошел в здание.

Майкин просочился следом:

– Я веду к тому, что тебе давно пора менять тактику.

– И как именно? – разозлился я.

Мы прошли мимо полок с продуктами и направились к двери с надписью «WC».

– Пора переходить к решительным действиям!

– Ладно, понял, – прорычал я, – купи воды, если не идешь в туалет.

Все, что угодно, чтобы отвязаться от рыжего голоса сове-

сти.

– Заяви о себе, чувак! – послышалось в спину. – Будь смелее!

– Угу.

Я толкнул дверь и вошел в помещение уборной. Больше всего мне хотелось подставить голову под холодную воду. Включил кран и поморщился: вяло потекла жидкость коричневатого оттенка. Умыться расхотелось моментально.

Я взглянул в зеркало. Мои щеки все еще пылали. Да уж, зачем Лене такой неуверенный в себе недорыцарь, которого от близости к ней буквально парализует, а потом по очереди бросает то в холодный пот, то в горячий?

– Дай зажигалку, – раздался чей-то голос где-то поблизости.

Раздался щелчок, и запахло сигаретным дымом. Я не верил своим глазам: над одной из кабинок поднимался серый дым.

– Эй, – сказал я негромко, – мы, вообще-то, на заправке.

Наклонился и заметил три пары ног. Все в кроссовках размера не меньше сорок пятого. Ясно – наши спортсмены. Стоило ли с ними связываться?

– И что? – раздался голос.

Нарушители пожарной безопасности дружно заржали.

– А то, что здесь, а также на прилегающей территории, строго запрещено курить, – сглотнув, проговорил я.

– Можешь подтереться своим «запрещено»!

Дверца кабинки открылась, и показался Кошкин. За его спиной маячили его друзья – Скачков и Пряжкин.

– Или что? – Харитон прищурился и подошел ближе. – Пойдешь и настучишь?

Он выдохнул дым мне прямо в лицо.

– Нет, – ответил я, сжимая кулаки, – но вы сами должны рассудить здраво и затушить сигареты. – Я поправил очки и добавил: – Немедленно...

От их громкого смеха у меня заложило уши.

– Иди лучше делай свои дела, девственник! – указал на соседние кабинки Кошкин. – Пока я не затушил сигарету о твой лоб.

Решив, что мой кулак не слишком весомый аргумент в споре сразу с тремя качками, я шумно выдохнул, отвернулся и направился в одну из кабинок.

– «Немедленно»! – пародируя мою интонацию, произнес Харитон.

И все трое покатались от хохота.

Я закрылся, повесил рюкзак на крючок и прислонился к дверце. Дебилы. И где их таких тупых штампуют? На том же заводе, где делают всем известные резиновые изделия?

– Лоховоз! – донеслось снаружи.

Зашумела вода. Я решил поторопиться: пассивное курение, сами знаете, приносит еще больший вред, а перспективы того, что заправка вот-вот может взлететь на воздух, и во-

все сводили мои шансы прожить долгую и здоровую жизнь к нулю.

– Да-да, пусть пешкодрапает! – заржал кто-то.

Я закрыл глаза, вдыхая и выдыхая. Нужно скорее опорожнить мочевой пузырь и уйти отсюда.

«Что ты делаешь, чтобы ее завоевать?» – прозвенел в голове вопрос друга. Да, Антоха был прав. Все, что я делал, так и осталось для Лены незамеченным.

Сдал на права, чтобы прокатить ее. Несколько раз брал у отца машину, кружил возле университета, но так и не осмелился предложить Лене подвезти ее до дома.

Наказал Левицкого. Провернул для этого целую многоходовку: организовал тайный клуб отмщения, прославившийся позже на весь факультет. Скрыв свои лица, мы подобралась ночью к этому гаду, поймали его и привязали к столбу возле главного учебного корпуса. Каждый проходящий мог видеть прикрепленную к его груди табличку с надписью «трепло»³.

А еще я записался на бокс. Чтобы быть достойным Лены, чтобы суметь защитить ее при необходимости. Правда, в первый же день вывихнул запястье. Но это ерунда. А на втором занятии мне разбили нос! Кровищи было – мама не горюй.

Но ведь я хоть что-то делал! И делал только ради Лены...

³ Черная метка – имеются в виду события, происходившие в книге Лены Сокол «Разрешите влюбиться».

Жаль, что она об этом не знает.

Иначе... А что иначе? Что бы изменилось? Разве ей нужен такой, как я?

– Малахольный! – словно подсказал кто-то, смеясь за дверью.

Вот именно. Все видели меня именно таким.

Я подхватил свой рюкзак, дернул шпингалет, толкнул дверь...

Не понял! Я навалился на дверь всем телом. Заперто! Толкнул еще раз. Ничего не получилось. Прислушался: шаги и смех удалялись к выходу и вскоре совсем стихли.

– Эй! – Я надавил на дверь плечом. – Эй, кто-нибудь!

Но заполненное сигаретным дымом помещение отозвалось лишь громким эхом.

– Меня закрыли. На помощь! – прокричал я, бросаясь на дверь.

Толкал, пинал, дергал, давил. Но та не поддавалась, всякий раз встречая какое-то сопротивление снаружи.

– Эй, помогите! – проорал я, ощущая панику и собственную ничтожность. – Э-э-эй!

Сквозь приоткрытую форточку в помещение донесся шум шин по асфальту. Кажется, автобус уже отъезжал.

– Кто-нибу-у-удь!

– Жека, это ты? Ты где? – раздался вдруг голос Антохи.

– Здесь! – Я принялся барабанить ладонями в дверное полотно. – Здесь!

– Ясно. Тебя закрыли. Подперли дверь шваброй. Сейчас! Послышалось копошение, и через пару секунд дверь открылась. Вырвавшись на волю, я сразу метнулся к умывальнику, включил воду и сполоснул руки.

– Это кошак плешивый! Мышелов драный! Харитон Какашкин, мать его!

– Неудивительно, – отозвался Майкин, – они всегда так веселятся.

– Что ты хочешь от идиота, который курит прямо на заправке?

– Точно.

– Ладно, бежим! – Я метнулся к двери. – Там уже все собрались, наверное.

– Да без нас не уедут, – отмахнулся Антоха, – не переживай.

И он вразвалочку направился следом за мной.

Каково же было наше изумление, когда мы обнаружили на стоянке возле заправки лишь сизую пыль и облако выхлопных газов, оставленные растворяющимся вдалеке автобусом!

– Стой! Стой! – Майкин махал руками, выбежав на дорогу.

– Догоним? – предложил я, прикидывая, с какой скоростью нужно бежать, чтобы нагнать транспортное средство.

– Не-е-ет, – поморщился Антоха, отчаянно мотая головой, – я не побегу!

Он терпеть не мог физкультуру и все, что с ней было связано.

– Тогда... – растерялся я, – даже не знаю...

– Нам нужна попутка! – сообразил друг. Повернулся и взмахнул руками: – О! Вот. Стой! Стой!

Он побежал и, вытянув руки в стороны, преградил путь какой-то старой развалюхе. Раздался визг шин, а затем крик:

– Куда прешь, окаянный?!

За рулем старенькой «пятерки» сидела бабулька. Она и орала на Антоху, опустив стекло и высунувшись почти наполовину.

– Сталина на вас нет!

– Бабуля, не шумите. – Майкин обошел автомобиль и склонился к окну. – Войдите в положение! Возьмите нас на борт. Нам вон за тем автобусом надо...

– Ишь, какой! А ну отойди! Грабельки-то свои от моей машины убери!

– Подвезите нас с другом, мы вам заплатим.

– Не могу. У меня рассада!

– Да мы ее на колени поставим. Ну пожалуйста!

– Едрить твою налево! – Бабка выглянула из-за руля и недоверчиво просканировала меня взглядом. Мало ли, наркоман какой. Вдруг обдеру ее рассаду да выкурю. – Ладно, давай, шевели помидорами! Залезайте!

Мы бросились к автомобилю, открыли дверцы, подхватили ящики с рассадой и плюхнулись с ними на сиденья.

– Поехали! – скомандовал Антоха, выглядывая из-за помидорной рассады.

– Погодь! – Бабка поправила толстенные очки.

– Да нам бы побыстрее. Во-о-он за тем автобусом. Его уже не видно, но он, короче, там.

– Погодь! – Бабуся закрыла окно, включила первую передачу и вцепилась в руль: – А тепереча поехали!

Машина дернулась, заворчала, а затем неуклюже сорвалась с места. Двигатель протяжно завыл: «Уа-а-а-а».

– Вот спасибо, – пробормотал я. – А то нас тут забыли, позарез надо автобус догнать.

Набрав приличную скорость, автомобиль высоко подскокил на кочке. Бам! И моя голова проверила потолок на прочность.

– Ой, осторожнее! – испуганно вякнул Антон.

– Ты только рассаду крепче держи! – крикнула бабка.

– Мне вообще-то жизнь дорога...

– А мне мои помидоры. Не зубать!

Мы переглянулись – возможно, в последний раз в жизни. Машина неслась по дороге, виляя и собирая все ямы. Даже пьяница двигался бы ровнее, чем этот адов катафалк, набитый ящиками с землей.

– Бабка, наверное, под мухой, – с выпученными от страха глазами прошептал Майкин.

– Да я бы к ней в жизнь не сел, – ответил я. – Это все ты! Она, может, слепая или глухая...

– Сам ты глухой! – возразила бабулька.

– Ой, простите! – Антон втянул голову в плечи.

– Будешь трындычать, как швейная машинка, прямо на ходу тебя высажу!

– Молчу! – обиделся Майкин.

Густой помидорный запах заполнил машину, нечем было дышать. У меня в носу чесалось, в горле щекотало. Да еще и сзади кто-то настойчиво жужжал мне в затылок.

Я смачно чихнул.

– Будь здоров! – сказал Антоха.

– Не чихай на мою рассаду! – прикрикнула бабка.

– Вот! Вот он! – заорал я, заметив автобус.

– Ага! – С мастерством Шумахера и энтузиазмом сотрудников СОБРа бабка пустилась в погоню.

Через полминуты лихим приемчиком прямым из «Токскийского дрифта» старушка развернула свою колымагу и преградила путь автобусу. Под дикий визг тормозов мы с Майкиным уткнулись носами в зелень рассады.

– Спасибо!

– Спасибо. Что мы вам должны?

– По гроб жизни должны будете, – серьезно сказала бабка, а затем рассмеялась. Ну вылитая Баба-яга!

Оставив деньги на сиденье, мы еще раз поблагодарили ее, затем выбрались и побежали к автобусу. Мне казалось, что я весь провонял сигаретным дымом и помидорной рассадой. Водитель с недовольным видом открыл нам дверь, а дежур-

ный преподаватель и студенты встретили нас смехом и удивленными возгласами.

– О! Кто тут у нас? Беги, Форрест, беги! Ха-ха-ха!

Не обращая внимания на смешки, мы прошли в середину салона. Антон занял свое место, а я двинулся к своему. Еще издали заметил, что оно было занято.

– Здесь я сажу! – решительно сказал я, подходя к нужному креслу.

Угадайте, кто вальяжно развалился на сиденье рядом с Леной? Правильно – Харитошкин. И мне было что ему сказать. И по поводу курения на заправке, и по поводу его тупых проделок.

– Ты что-то сказал? – усмехнулся он, неохотно поднимая на меня взгляд.

– Да, – кивнул я и посмотрел на Лену. Девушка выпрямилась и внимательно посмотрела на меня. Мне предоставлялся отличный шанс сделать так, чтобы она наконец меня заметила. – Я сказал, что ты сел на мое место.

Глаза Харитона округлились. Кто-то за моей спиной негромко хохотнул. Вряд ли кто-то ожидал подобной дерзости от тихого отличника.

– Ты что-то сказал, очконавт? – переспросил Кошкин, надуваясь для пущей важности.

Я сглотнул. Нужно было стоять до конца.

– Я... – Набрав в легкие побольше воздуха, я медленно выдохнул. Что-то прожужжало над ухом. Я нервно дернул

плечом. – Я сказал, что это... – Что-то пушистое щекотно коснулось шеи, затем руки. Снова послышалось назойливое жужжание. Я еще раз дернулся, потом отмахнулся рукой, а затем вдруг почувствовал резкий укол выше локтя. – Ай!

– Осторожно, это пчела! – воскликнула Лена, приподнимаясь. Но было уже поздно.

– Говори-говори, – улыбнулся Харитон.

– Что это... мое... – начал я, но вдруг понял, что со мной происходит что-то не то.

Почувствовал резкую слабость, затем головокружение. К голове прилил острый жар, дышать стало трудно.

– Место... – прошептал я, чувствуя, как опухает во рту мой язык.

Сохранять равновесие становилось все труднее. Я покачнулся.

– Говори, придурок!

– Да что ты к нему пристал? – Ленин голос слышался как сквозь вату. – Видишь, плохо человеку? Эй, парень. Гляди, как побледнел...

Что-то резко притянуло меня к полу.

Лена

Похоже, ботанику не просто поплохело, он явно собирался откинуть копыта прямо сейчас, в автобусе.

– Ты слышишь меня? Слышишь? Парень! – Я склонилась над ним, проверяя пульс.

В салоне поднялся шум: от беспокойного шепота до испуганных вздохов. Лучше бы расступились, честное слово.

– Отойдите, дайте воздуха! – попросила я.

Кажется, он все еще был в сознании, но дышать ему было очень трудно.

– Да он прикалывается! – бросил Харитон, вставая. Протиснулся к проходу, перешагнув прямо через лежащего парня и посмотрел на него сверху вниз. – Притворился мертвым, чтобы не отвечать за свои слова! Дрищ!

– Нет, не прикалывается, – заключила я, наклоняясь к груди ботаника. – Дышит, но с трудом.

– Что с ним? – отодвинув Харитона, рядом присел какой-то рыжий парнишка.

– Ему плохо. Нам срочно нужна «Скорая»! – пришлось проорать мне.

– Что такое?

Гул голосов достиг апогея.

– У него раньше была аллергия? – спросила я, расстегивая ворот его рубашки.

– Вроде да, – побледнел рыжик, – но только на антибиотики...

– Проверь его одежду и сумку! – Теперь меня затрясло от страха. Пришлось снова закричать: – Да разойдитесь вы! Ему воздух нужен. «Скорую» кто-нибудь вызвал?

– Что происходит? – поинтересовался преподаватель, продираясь к нам по проходу через толпу.

– Анафилактический шок, – тихо сказала я, наклоняясь к самому лицу парня. Тот беспомощно хватал ртом воздух и оплывал на глазах. Его мертвенно-бледное лицо сильно отекло в районе глаз и рта, а пальцы на руках буквально превращались в сосиски. – Отек Квинке. Он не может дышать!

Беспокойство собравшихся перерастало в настоящую панику. Автобус качнулся и замер на обочине дороги.

– Значит, мы не доедем до места назначения? – поинтересовался преподаватель, еще раз показывая отсутствие компетентности и профессионализма. – А как же экскурсия?

– Вы что, с ума сошли?! – не выдержала я. – Разворачивайте автобус! Звоните в «Скорую»! Немедленно! Может, в другом автобусе есть медик? Ищите! Должен же нас сопровождать кто-нибудь!

– Рюкзак, – дрожа всем телом, произнес рыжий парень. –

У него рюкзак за спиной. Может, там?

– Переворачивай! – скомандовала я.

– Сейчас!

– Настя! – Я заметила, что через толпу продралась девушка моего брата. – Настя Ежова, иди сюда!

– Что случилось? Женька! – Она опустилась на колени.

– Пчела, его укусила пчела, – пробормотала я, указывая на лежащее на полу тельце мохнатого насекомого. – Вот она, злодейка.

Тем временем рыжик стянул рюкзак с плеч очкарика, аккуратно уложил того снова на спину и расстегнул замок рюкзака.

– Если он сейчас нормально не задышит... – прошептала я, сжимая зубы. – Ну, что там? Что? Есть что-нибудь?!

Рыжий выкладывал книжки из рюкзака. Вот скажите, зачем этому чудику понадобилось брать учебники на экскурсию, а?

– Посмотри вот здесь! – Настя показала на небольшой кожаный пенал на кнопке.

Пока рыжий лихорадочно открывал футляр, я смотрела на лицо опухающего парня. Густые блестящие волосы, бархатная ровная кожа, правильная форма носа, красивые губы и большие темно-синие глаза за широкими стеклами очков, как надвигающаяся летняя гроза: немного пугающие своей глубиной. То ли от взгляда на них, то ли от страха у меня закружилась голова.

– Здесь шприцы и... лекарства! – воскликнула Настя.

– Отлично, – выдохнула я. – Давай их сюда, посмотрим.

Пока я дрожащими руками рассматривала содержимое пенала, паренек, лежащий на полу в проходе, часто-часто дышал. Настя села рядом с его головой и подложила под нее рюкзак.

– Ага! – Я неуверенно закусила губу. – Кажется, вот так надо.

Набрала в шприц лекарство.

– Кажется? – испуганно пролепетал рыжий.

– Да, точно не знаю, как это делается, – сказала я, – но другого выхода у нас нет. Сядь, приподними немного его ноги, пусть будут повыше. – Когда парень послушно приподнял ступни очкарика, я попросила Настю: – Нужно освободить его предплечье.

Настя Ежова с трудом содрала рукав с плеча парня.

– Ну, с Богом, – прошептала я, втыкая шприц в верхнюю треть плеча парня.

Очкарик дернулся, его зрачки расширились. Кто-то из студентов громко охнул.

– Вот молодец! – Я облизнула пересохшие губы. – Носишь с собой все лекарства. Теперь будем надеяться, что я тебя не убила.

– Ты шутишь? – Настя выпучила глаза.

– Нет! – Я пожала плечами. – Однажды видела, как это делается. Правда, мне тогда было лет десять...

– Что ты ему вколола? – все еще держа на весу ноги больного, спросил рыжий.

– Адреналин, – ответила я, вынимая из футляра еще одну ампулу. – А теперь нам понадобится преднизолон, чтобы привести в нормальное состояние его давление, и антигистамин – это уже от аллергии. Кто умеет ставить укол в вену?

Рыжий покачнулся, а Настя испуганно побледнела, взглянув на шприц.

– Есть! Есть медик! Здесь врач! – заголосил преподаватель, затаскивая за руку в салон полноватую женщину с чемоданчиком.

Студенты расступились, и та быстро пробежала по проходу прямо к нам.

– Укус пчелы, анафилактический шок, отек, – отчиталась я, передавая ей шприц. – Ввели адреналин, который был у него с собой. Здесь преднизолон.

Женщина быстро сориентировалась, осмотрела больного, забрала у меня шприц, внимательно глянула на каждую из ампул.

В этот момент кто-то крикнул:

– «Скорая» уже едет!

Насте и рыжему пришлось отойти, чтобы дать место медику. Я взяла за руку парня и тихо сказала:

– Сейчас тебя заберут, сделают капельницу, и ты поправишься. – Попыталась улыбнуться. – Хорошо?

Он смотрел на меня так внимательно, так беспокойно, что

мне даже стало неловко. Отпустив его руку, я немного отодвинулась назад, чтобы не мешать женщине проводить нужные манипуляции.

– Все будет хорошо, – зачем-то пообещала я.

И под шепот однокурсников я села на свое место. Через пару минут под звуки сирен парня уже увозили на «Скорой». Еще минут через пять его рыжий приятель подошел, быстро собрал оставшиеся вещи и учебники в рюкзак, задержался у моего кресла и поблагодарил:

– Спасибо.

– Ничего особенного, – отмахнулась я и отвернулась к окну, – пожалуйста.

– Нет, ты Женьке жизнь спасла.

– Это он сам.

– Спасибо, Лен, – присоединилась к нему Настя.

Автобус тронулся, я повернулась к ним и изобразила улыбку:

– Не стоит благодарностей, надеюсь, ваш друг поправится.

Ежова кивнула, и я поспешила снова отвернуться к окну. Меня все еще лихорадило от жутких воспоминаний. Вот так же мама упала к моим ногам много лет назад. И снова ощущение паники сомкнулось толстыми щупальцами страха на моем горле. Но тогда папа был рядом, и он спас ее. А теперь... теперь папы нет. Он живет отдельно. И вообще, все совсем не так, как было когда-то. Все пошло кувырком.

Женя

После введения лекарств отек начал сходить буквально на глазах. Теперь о нем вообще ничего не напоминало. Только прозрачная жидкость продолжала по капле стекать из специального пакета вниз, чтобы пройти по трубочке капельницы и попасть напрямиком в мою вену.

Да уж, облажался я знатно. Понимаю.

Мечтал, чтобы она меня заметила? Вот и получил, что хотел: теперь не только Лена, но и все однокурсники узнали о моем существовании.

Почти кинематографично шлепнулся на пол автобуса, затем напугал их стонами и хрипами и в качестве бонуса довел до ужаса опухшим лицом и толстенными руками! Господи, как стыдно-то...

Все! Больше никаких попыток обратить на себя внимание, никаких Лен и вообще никаких девушек, пока не доучусь. Да! Буду всегда один. Решено. Так безопаснее и спокойнее. К тому же я не совсем одинок. Мне всегда есть с кем поговорить – у меня есть Антоха. Мы два одиноких волка. Мы – банда!

– Привет, я поцеловал Маринку! – гордо сообщил Майкин, ворвавшись в мою палату. – Мужик сказал – мужик сделал. Больше никакого одиночества. Самая красивая девушка универа сходит по мне с ума, не круто ли? Улыбнись и порадуйся за друга, Женек!

Да... Нужно ли говорить, что я тут же обреченно сник?

– Поздравляю...

– Эй, ты не рад за меня, чувак? – Антоха бесцеремонно плюхнулся на край кровати.

– Рад, – вздохнул я.

– Переживаешь, что не осуществил сегодня свой гениальный план? – Его зеленые глаза блеснули сочувствием.

– Что ты! – У меня опустились плечи. – Я его даже перевыполнил.

– Ты рано расстраиваешься! – Он хлопнул меня по плечу, да так сильно, что я даже посмотрел, не выскочила ли игла капельницы. – Мы на верном пути!

– Да? На каком же?

– Ну смотри. У вас состоялся тактильный контакт. Так? – Антон улыбнулся, многозначительно играя бровями. – Было? Было. О, я видел, как она взяла тебя за руку!

– Потому что я умирал!

– Вот именно! Но это все мелочи. Главное, что после того, как она потрогала тебя, у нее остались эмоции. Так?

– Какие? Страх, паника, жалость?!

– Чува-а-ак, – Майкин покачал головой. – Ты себя не лю-

бишь. Посмотри. Ты же красавчик! Ты – альфа-самец! Да-а-а! – Он выпятил грудь. – Держи спину ровнее, лицо кирпичом. Все девушки – твои, ты – хозяин положения!

– Ага, – вяло согласился я.

– Знаешь, в чем твоя проблема?

– В чем?

– Ты выглядишь как вечный первокурсник. Бежишь куда-то ссутуленный, глазенки у тебя перепуганные, очки запотевшие. Кому это понравится? Смотри на меня и учись! – Майкин вскочил, сунул руки в карманы и пошел вдоль палаты, выписывая зигзаги. – Будь плохишом! Будь крутым! Доминируй!

Знаете, что может быть хуже неуверенного в себе ботаника? Уверенный в своей неотразимости ботаник!

– О'кей, понятно, – кивнул я. – Это все прикольно, но Лена по-прежнему даже имени моего не знает. А единственное воспоминание, связанное со мной, – это мое раздутое лицо, скорченное от ужаса!

– Пойми, это твой козырь! – Майкин снова рухнул на край кровати. – Тактильный контакт был? Был. А зрительный? Да-да, я видел, как она на тебя смотрела! Чуть не сожрала тебя взглядом! А еще сказала, что все будет хорошо и... улыбнулась. Тебе! Понимаешь, что это значит?

Я закусил губу. Я не видел ничего прекраснее на свете, чем Ленина улыбка. Кажется, от ее улыбки рассеиваются тучи и солнце светит ярче. А сегодня, когда она со мной гово-

рила, я заметил пирсинг на ее языке. И обрадовался – теперь я знал о ней гораздо больше, чем вчера.

– Тебе пора переходить на следующий уровень. Нужны решительные действия! Гаевская знает о твоём существовании, теперь пора заявить о том, кто ты. А ты кто?

– Я? Женя Исаев.

– Ответ неверный! Ты – доминант! – Майкин снова выгнул грудь колесом. – Покажи, что ты мужик!

– Каким образом? Мне нужно избить кого-то? Сморгнуться в ее присутствии в занавеску? Завалить мамонта?

– Ты сейчас описываешь Харитошку. Нет! – Друг помотал головой. – Это все не пойдет. Тебе нужно оставаться собой, но оказывать явные знаки внимания. Покажи, что ты лучше их всех! Пусть имеет возможность сравнить тебя с остальными. Кто самый лучший?

– Я... – без особого энтузиазма отозвался я.

– Кто доминант?

– Кошкин... – уныло ответил я.

– И снова неверный ответ. – Майкин почесал рыжий затылок. – Знаешь, как я добился поцелуя Савиной?

– Как?

– Я был решительным, жестким и твердо намеревался взять свое.

– Ух!

– Подошел к ней и без лишних объяснений... взял и поцеловал! – Антоха махнул рукой.

– Правда? – удивился я.

– А то! – Он гордо повернулся ко мне левым боком. – Во, гляди!

На щеке Антохи красовалось небольшое, но очень яркое красное пятно.

– Она что... тебе двинула?

– Ага. Прямо с размаху – хрясь!

– Больно?

– Искры из глаз, – улыбнулся Майкин, – но оно того стоило.

– Думаешь?

– Теперь она знает, что я – мужик. – Он задрал вверх подбородок.

– Круто!

В этот момент в дверь палаты постучали.

– О, это Настя! – сказал Антоха.

Ежова некоторое время работала в этой больнице санитаркой, поэтому для нее не составляло проблемы прорваться ко мне в палату. Мы с Настей дружили с первого курса. У нас с ней много общего: начиная от очков и заканчивая неумной тягой к учебе. Мы общались одной веселой компанией: я, Антоха, Настя и две ее подружки – Марина Савина и Оля Еремеева. Все заучки.

Пришлым в этой компашке был только парень Ежовой – Рома Гаевский, брат Лены. В прошлом – гуляка и мажор, в настоящем – мажор, тусующийся среди ботаников: экзем-

пляр, плохо изученный наукой и совершенно не поддающийся пониманию среди сверстников.

– Как ты? – Настя подвинула стул к моей кровати, села и взяла меня за свободную руку.

– Уже хорошо, – ответил я.

– Мы та-а-к испугались! – призналась она.

– Представляю! – Я улыбнулся.

– Хорошо, что у тебя оказался этот набор... первой помощи.

– Да, ношу его уже несколько лет. С тех пор, как мне однажды стало плохо от антибиотиков. Кто ж знал, что у меня еще и на укусы пчел аллергия!

– Да, ужас! – Девушка крепче сжала мою ладонь.

– Врачи предупредили, – признался я, – что, если мой организм так отреагировал, необходимо всегда быть начеку и носить необходимые лекарства с собой. Вот родители и настояли, чтобы я постоянно имел при себе этот набор, а доктор научил меня быстро делать укол себе в бедро. Но с этой пчелой вышло так неожиданно...

Я сглотнул, вспоминая.

Отец после первого приступа ежедневно проверял, есть ли препараты в рюкзаке. А я ужасно злился на него и использовал этот момент как повод для очередного спора: «Если Бог заботится обо мне, как ты говоришь, то почему ты полагаешься на медицину, а не на Бога?» Тогда он смиренно вздыхал и терпеливо отвечал, что в первую очередь я сам

должен позаботиться о себе, во имя Господне используя науку и опираясь на опыт человечества, и тогда уже сам Господь изыщет способы помочь мне. Если это угодно его Божьей воле, разумеется.

Неужели он тогда был прав? Ведь оказался же в автобусе один-единственный человек, который знал, как нужно действовать в экстренной ситуации? Не будь Лены, никто бы и не понял, что нужно искать лекарства и немедленно применить их...

– Самое главное, что все позади! – оптимистично заметила Настя.

– И что ты на верном пути, – подмигнул Антоха.

И тут дверь отворилась, и молоденькая медсестра пропустила в комнату высокого темноволосого мужчину с бородой и в подряснике.

– Ой, а вы к кому? – спросила Настя, оборачиваясь.

Я задержал дыхание. Та часть моей жизни, которой мне так не хотелось делиться ни с кем, даже с друзьями, внезапно ворвалась в палату в самый неподходящий момент.

– К Женьке, – тихо произнес Антон и встал. Майкин был единственным, кто знал о моей небольшой тайне. Он сделал несколько шагов по направлению к мужчине и замер, не зная, стоит ли ему поздороваться с ним за руку или лучше поклониться: – Отец Иоанн. – Кивнул, подавая священнослужителю руку.

– Антоний! – поздоровался с ним батюшка.

Я осторожно вытянул ладонь из руки Ежовой.

– А вы... – растерялась Настя, оглядывая вошедшего, – ... вас кто-то вызвал, что ли? Чтобы помолиться о здоровье?

Отец Иоанн нахмурился, разглядывая ее, затем коротко кивнул и подошел к моей постели.

– А то если отпевать, то еще рано, – хихикнула она, – все вроде обошлось...

И замолкла, поняв, что шутка не удалась. Втянула голову в плечи.

– Сын, – поприветствовал меня мужчина в подряснике.

– Настя, знакомься, – тяжело выдохнул я, – это мой отец.

Женя

Быть сыном священнослужителя – это, знаете, такое...

Нет, я не стыжусь своих родителей, ни в коем случае. И не стесняюсь. Для этого должны быть какие-то другие слова – что-то вроде «ограждаю своих друзей от их влияния». Наверное, такое сложно понять тому, кто не в теме. Попробую объяснить.

Мой отец не святой. И даже не мудрец. Да, он священник, но он обычный человек, который так же, как и все остальные, вынужден каждый день бороться со своими внутренними демонами, сражаться с искушениями и не поддаваться на соблазны. А еще он должен быть примером для всех. В этом и состоит главная трудность.

Священнослужители не идеальные люди. Но они вынуждены стремиться к тому, чтобы быть ими. Трудно быть терпеливым и понимающим, когда у тебя шестеро детей – мал мала меньше, и все они орут, шалят и всячески показывают, что в первую очередь они просто дети.

Вряд ли моя мама понимала, во что ввязывалась, когда выходила замуж за моего отца. Духовенство – это сословие,

что наложило на нее определенные обязательства. Особенно после рукоположения отца. Никаких подруг, особенно среди прихожан, ведь она – матушка, мать, а ее семья – это оплот воспитания веры.

Мама преподавала в воскресной школе, помогала на клиросе, но основным ее служением всегда был дом и мы – ее дети. «Бояться иметь большую семью – это значит бояться счастья». Я до сих пор не знаю, верит ли она во все это, но так же, как и прихожане храма, настоятелем которого является мой отец, я смотрю на нее с сожалением.

До четвертого класса я ходил в православную школу, и мой мир ничего не могло потревожить. С пятого класса пришлось идти в общеобразовательную, и вот тут начались проблемы. Оказалось, что любознательный парнишка вдруг открыл для себя существование науки и повседневной реальности, независимой от церкви и ее прописных истин, и в этот самый момент его родители не на шутку напряглись.

Мама облегченно выдохнула, когда я перестал задавать ей по сто вопросов в минуту, но вдруг обнаружила, что ответы ее сын находит в Интернете.

«Почему мы носим на шее крест, если Христа распяли на кресте? Разве это не символ смерти?», «Почему мы поклоняемся иконам, ведь они же просто нарисованы? Разве это не идолы, не кумиры?», «Почему мы превозносим Христа, а не Бога-отца? Кто, вообще, сказал, что Христос был сыном Божьим? Кем это доказано?».

И это еще самые безобидные вопросы, которыми я методично доводил родителей год за годом, пока вырослел. Я не хотел их доводить, мне просто были нужны ответы! И меня ужасно раздражало, что не получал в семье прямых ответов на них. Мать безоговорочно принимала на веру все, что указано в Писании, а отец пускался в пространные разговоры обо всем и ни о чем.

Конечно, я бунтовал. Маленький почемучка, который пытался познать мир и во всем хотел дойти до сути. Они не обижались на меня, и это злило еще больше. Всякий раз, когда я припирали их к стенке каверзными вопросами, когда пытался подловить научными антирелигиозными фактами, мать с отцом стоически выдерживали мой напор.

Я с пеной у рта доказывал, что они не правы. А они улыбались, веря, что однажды я все пойму и тоже поверю. Окончив школу, я заявил, что не намерен, как они, посвящать свою жизнь служению Церкви, и поступил в университет. Я кричал, что если Бог и существует, то он един, и я смогу общаться с ним в любой точке мира. Что он услышит меня, даже если буду говорить не вслух, а про себя или тихим шепотом. Что для того, чтобы быть верующим, мне необязательно ходить в храм, причащаться или исповедоваться.

«Я исповедуюсь только Богу! И никому больше», – сказал я тогда. Мать с отцом переглянулись и смиренно пожали плечами. И все. Конечно, это вызвало во мне приступ неконтролируемой ярости.

Я устал. От вечного нравоучительно-ласкового тона отца, от слепой покорности матери, от их показной удовлетворенности своей жизнью! Почему они просто не могли быть для меня обычными мамой и папой? Не приплетающими Бога в любых разговорах об учебе или моем будущем, которые не связывают любое мало-мальски важное событие с промыслом Божиим...

Я очень устал от этого. Наверное, вчерашний разговор был последней каплей. Мы ужинали всей семьей. Мелкие трескали за обе щеки горячие пироги, а мать с отцом наконец могли позволить себе мясо после окончания Великого поста. Все пребывали в хорошем расположении духа, и я набрался смелости и спросил, могу ли взять папину машину, чтобы поехать в универ.

Разумеется, это было ошибкой. «Зачем? У тебя какая-то определенная цель?» и прочее, прочее. В итоге разговор с отцом плавно перерос в лекцию доморощенного батюшки-психолога. Неужели он один-единственный раз не мог дать ключи, не задавая вопросов? Как хороший родитель. Надо? Держи! Так ведь нет!

Во мне будто вспыхнуло пламя. Я психанул. Сорвался.

– Я же не спрашиваю, зачем у тебя новый BMW, а не подержанная «Лада»?! – крикнул я, вставая из-за стола. – А как же «не стремитесь к роскоши»? А как же «довольствуйтесь тем, что есть», папа? И не говори мне, что тебе нужен был надежный качественный автомобиль, который три года можно

обслуживать бесплатно по гарантии, я все это уже слышал! Это не оправдание. Знаешь, чем ты можешь мне возразить? Да только одним: «Не суди, да не судим будешь»! Так? Все! Я сыт этим по горло! Ты – самый главный лицемер, которого я знаю!

С этими словами я пулей вылетел из столовой.

Мне просто хотелось быть обычным парнем, который следит за модой, гуляет с друзьями, однажды влюбляется в девушку. Тем, кто мечтает изменить мир, добиться успеха. Тем, кто ошибается и исправляет свои ошибки. Мне просто хотелось быть тем, кем мне положено быть в этом возрасте...

Вчера я сделал все, чтобы разочаровать его. Сделал все, чтобы оттолкнуть от себя окончательно. А теперь отец сидел в моей палате и делал вид, будто ничего между нами не произошло. Он не показывал своего гнева, не читал мне нотаций, не проповедовал, но единственное, от чего батюшка так и не смог удержаться, это от того, чтобы не обратиться к моим друзьям.

– Спасибо вам, ребята! – поблагодарил он. – Я рад, что у моего сына такие надежные друзья. Может, придете вместе на воскресную службу в храм, вам понравится. Вы вообще ходите в церковь?

Сейчас спросит, носят ли они крест.

– Я... Мы... Ну... – замялся Антоха.

– Моя мама ходит, – призналась Настя, – а вот я не успеваю...

– Приходите! – Он внимательно оглядел Ежову. – Только, Настенька, придется тебе юбку надеть, знаешь, брюки – все-таки мужская одежда.

– Отец! – взмолился я, закипая изнутри.

Но Настя слушала его внимательно и даже кивала. Все мои друзья однажды проходили через это: слушали его наставления, дружно кивали, а затем... начинали меня избегать.

– Нет, я не говорю, что нужно всех женщин переодеть в длинные юбки. Главное – сердце человека, а не то, как он выглядит. Просто женщина должна быть женщиной: длинные волосы...

«Ибо царствие Божие не пища и питие, но праведность и мир и радость во Святом Духе» – знаем, знаем. Уже до тошноты!

– Папа, пожалуйста! – не выдержал я.

Повернувшись ко мне, отец Иоанн поджал губы и терпеливо вздохнул.

– Мы, пожалуй, пойдем, – смущенно сказал Антоха.

– Ага, – пробормотала Настя. – Приятно было познакомиться! – воскликнула она, когда Майкин потащил ее за руку к двери.

– Пока, – сказал я, не глядя на них.

Мы смотрели с папой друг другу в глаза.

– Вот зачем? Ну зачем ты опять? – произнес я с укором. – Ты не можешь даже пять минут побыть нормальным?!

– Евгений... – начал он.

– Нет! Не хочу слышать это снова. – Кусая губы, я шумно выдохнул. Расправил плечи. – Вот поэтому я и ухожу. Я ухожу от вас!

– Уходишь?

– Да. Я все решил.

– Куда ты пойдешь? – вздохнул он.

– Не знаю! – выпалил я, отворачиваясь. – Не знаю. Но я так больше не могу.

Лена

– Все это я буду спрашивать на зачете, так что готовьтесь! – сказал преподаватель, захлопнув свой блокнот для записей.

Я зевнула, пытаюсь вспомнить его имя. Леонид? Роман? Роман Леонидович? Вот черт. Один старый профессор подловил меня на первом курсе. Помню, зависла, пытаюсь ответить на вопрос в билете хоть что-то внятное, и тогда он наклонился ко мне и хитро так улыбнулся: «Скажешь, как меня зовут, поставлю трояк». Разумеется, я не знала! Теперь стала умнее: стараюсь запоминать хотя бы имя.

– Не понимаю, – фыркнула Жанна, падая на парту, – почему нельзя просто напечатать деньги и раздать всем? Да, тут, конечно, все ясно: инфляция, чего-то там еще, что уже сто раз объясняли, но бли-и-ин! Слышу слово «печатный ста-

нок» и дальше уже ничего не слышу!

– Вот да! – поддержала Окси. – Напечатали бы, и нет проблем. Наверное, я никогда не пойму, как все это работает. – Она вытянула руки, демонстрируя разноцветные ногти. – Смотрите, девчули! Сходила вчера на маникюр и на педикюр к своей Шурочке.

– Вау-у-у! – прошептала Жанка. – Отпад!

– Красиво, – согласилась я. – Может, она меня тоже запишет?

– Конечно. На какое число? Я ей сейчас напишу, – заверила Окс. – Кстати, я сразу записалась еще и на конец месяца. Нужно уже готовиться к тусе на Ибице. Вы готовы отжечь?

– Ибица, крошки! – затанцевала прямо на стуле Жанка.

– Мои родители думают, что я еду в Лондон, чтобы подтянуть свой английский, – напомнила я. – И мне стыдно, что я их обманываю.

– А ты их не обманываешь! – пропела Окс. – Мы тебе и английский подтянем, и Европу покажем. Родителям необязательно знать всю правду. Жанка вообще сказала, что едет на Неделю моды в Милан! И неважно, что там в это время презентуют только мужские коллекции!

Они рассмеялись. А мне все равно было как-то неловко. Оставлять маму в период ее сложного разрыва с отцом... Не знаю, зря я, наверное, пообещала девчонкам...

– Оттянемся! – Жанна положила на стол ладонь.

Мы накрыли ее своими ладонями:

– Оттянемся!

– Девушки, я вам мешаю? – прервал нашу минутку радости безымянный преподаватель.

– Нет, можете продолжать! – хихикнула Окси.

– Простите, – пробормотала я, пряча взгляд.

– Блин, а если он нас запо-о-омнил? – прошептала Жанка, едва мужчина отвернулся к доске. – Придется опять класть на ночь зачетку под подушку.

– Жан, мне даже это не помогло! – поморщилась Окс. – Но учить я точно не буду. Бесплезняк!

– Тогда тебе нужно средство посильнее, – с видом знатока сообщила Жанна, – тебе нужно прикормить халяву. Взять кусочек колбасы или корейки и швырнуть за окно со словами «Халява, ловись!».

– А хлеб? Хлеба надо? Вдруг какой-нибудь бомж подберет? А тут как бы бутерброд...

– Блин, Окс, – Жанка закатила глаза. – Ты же халяву прикармливаешь, а не бомжа!

Я вздохнула, осознавая собственную безнадежность. Обычно, если я не выучу хотя бы один билет, мне попадается именно он. Но последние полгода у меня вообще не получалось хоть что-то учить. В голове было пусто. Я как будто потеряла себя и никак не могла найти.

– Смотри-смотри! – толкнула меня локтем Окси. – А нет, не смотри, не смотри!

– Да что такое? – спросила я, боясь поднимать голову.

– Там Кошкин на тебя вылупился.

– Правда?

Я думала, что после вчерашнего фиаско с падением на ботаника мне с Харитоном ничего уже и не светит.

– Точняк, – завершила Жанна, – думаю, после того, как ты вчера воскресила этого лоховоза очкастого, Харитоша тебя и приметил.

– Да-да! – кивнула Окс. – Ты почти сотворила чудо. Ты эта, как ее... Мария Магдалина! Во!

Я уронила лицо в ладони.

– Короче, все, он твой. С потрохами!

– Не уверена, что меня интересуют его потроха, – выдавила я, краснея.

Выпрямилась, осторожно повернулась и встретилась взглядом с Кошкиным.

Харитон сидел, развалившись на стуле, и смотрел прямо на меня. Самодовольная улыбка скользнула на его пухлых губах и блеснула огоньком в дерзких глазах. А потом он мне подмигнул. Под-миг-нул!

Мои щеки запылали.

– Думаете, он удивится, когда мы встретимся на Ибице? – Мне не хватало дыхания. – А если он подумает, что я ради него туда потащилась?

– Это будет уже неважно, – завершила Окси.

– Когда Матвей Скачков увидит меня в купальнике, последнее, о чем он будет думать, – это то, как вышло, что мы

оказались в одном отеле, – самоуверенно заявила Жанна. – У тебя есть купальник, Ленок? Купим тебе бомбический!

Она вытянула руку, и мы дали ей «пять».

Надеюсь, все так и будет.

– Ты видела ролик, где Харитон жмет штангу от груди? – толкнула меня Жанка.

– Нет, – призналась я, – еще не успела.

Подруга протянула мне телефон, нашла нужное видео и включила. До конца пары я любовалась, как Кошкин позирует перед камерой под бодрые крики своих друзей. Пот блестит на его бицепсах, а он поднимает тяжелое железо легко и плавно, будто ему совсем не тяжело. И ничто, кроме напряжения на его лице, не выдает его усилий.

– Круто! – признала я, отдавая Жанне телефон.

– А ты теперь зайди со своего аккаунта и поставь ему лайк, – посоветовала Окси. – Пусть знает, что ты видела и тебе понравилось...

– Думаешь?

– Уверена!

– Да-да, потешь его самолюбие! – поддакнула Жанка.

Преподаватель объявил об окончании лекции, мы побросали свои вещи в сумочки и вышли из аудитории. Я на ходу листала ленту социальной сети. Чего там только не было: и бэкстейджи со съемок туалетных селфи, и прямой эфир из чьей-то спальни, и преображения с использованием целого ящика косметики, и мастер-классы по уничтожению все-

возможной жратвы. Можно сутками залипать на эту ерунду! Наши фотки из примерочных и утиные губки Жанны давно и безнадежно устарели на фоне всего этого.

– Знаете вот этих людей, которые регулярно выкладывают количество шагов, которые они прошли? Разве это достижение? – усмехнулась я, листая дальше. – Пусть тогда выкладывают отчеты о своих походах в туалет. Это тоже достижение, ведь кто-то же не может сходить в туалет?

– Блин, Ленка, какая ты злая! – сказала Жанка. – Я только сегодня собиралась начать бегать!

– Люди выкладывают свои результаты, чтобы за них пора-а-адовались, – вступила Окси. – О, смотри-смотри! – Она показала на экран: – Вики выложила фотку с пробежки! Фу-у-у! Вечно нос задерет и идет, будто ее в сериале снимают!

– Да-да!

– Смотри-смотри! – Жанка даже остановилась. – Индюшки устраивают вечеринку! Вот объявление.

Мы дружно уставились на фото в ленте новостей, там были указаны адрес и дата – завтра.

– Мы должны устроить свою вечеринку! Чтобы на их жалкую вписку никто не пришел! – Окси топнула, надув губки.

– И она будет круче! В сто раз! – поддержала Жанна.

– В миллион!

– И парни придут к нам, а не к ним!

– Они утрутся!

– Утрутся!

– О чем речь? – раздался сзади бархатный низкий голос.
У меня мурашки побежали по спине.

– Приве-е-ет! – в один голос отозвались девчонки, пряча телефон.

– Привет, – хрипло сказала я, оборачиваясь.

– Мы о вечеринке! – улыбнулась Жанка, толкая меня локтем.

– Что за вечеринка?

– Самая сумасшедшая в этом году! – сообщила Окси.

– И она будет завтра! – подхватила Жанка.

– И где? – Харитон облизнул губы.

У меня закружилась голова.

– Где?.. – переспросила Окси, не зная, что ответить.

– Так это, – нахмурилась Жанка, – у Лены!

– Да? – Брови парня взметнулись вверх.

Я принялась беспомощно хватать ртом воздух:

– А... Э... В общем...

Еще недавно Ромка изводил родителей своими вечеринками. Собирал ребят со всего универа чуть ли не каждую неделю! Так почему же мне нельзя? Хотя бы разочек, а?

– В общем, да, – кивнула я, – у меня.

Он улыбнулся.

– А кто будет?

– Все! – с энтузиазмом воскликнула Жанка. – Будут все!

Обязательно приходи!

– Ну хорошо. – Харитон еще раз мне подмигнул. – Ждите.

«Ну вот. Все! Тебе хана. И о чем ты только думала?» – кричал мой разум, когда я провожала его взглядом.

Девчонки захлопали в ладоши, а я так и осталась стоять, глядя парню вслед и все еще не понимая до конца, что сейчас произошло. Зачем я согласилась? Что теперь будет? Как все отменить?

От этих мыслей меня оторвало появление в поле зрения того самого, спасенного вчера парня в очках. Он шел по коридору, прижав учебники к груди и не глядя в мою сторону.

Теперь он выглядел здоровым и бодрым. А еще... милым. С этой темно-каштановой шевелюрой, смешно взметнувшейся на макушке, точно от ветра. С задумчивым выражением лица и легкой полуулыбкой, которая ему так шла, что я тоже невольно улыбнулась.

– Идем? – спросил кто-то из девчонок.

В этот момент парень повернулся, заметил меня, запнулся, и книжки повалились из его рук.

– Идемте! – торопливо ответила я.

И, едва восстановив дыхание, резко отвернулась от ботаника.

– Растяпа, – усмехнулась Жанка.

– А это не тот очкан, который в автобусе чуть кони не двинул? – спросила Окси.

– Не знаю, – ответила я, пытаюсь игнорировать странное щемящее чувство в груди и направляясь в сторону нужной аудитории.

Женя

– И что он тебе сказал? – Глаза Антохи расширились от удивления.

Мы шли по коридору, торопясь на следующую пару, и мой друг от нетерпения буквально скакал передо мной взлохмаченным диким шимпанзе.

– Да ничего. – Я пожал плечами.

– Как? Вообще ничего? – Он остановился, в недоумении разведя руками.

– Нет. – Я пожал плечами.

Антоха почесал рыжий затылок.

– Что, даже не прочитал проповедь? Не пытался наставить на путь истинный? Не угрожал отлучением от церкви?

– Иди ты! – рассердился я, обходя его.

– Нет, правда. Ты сказал отцу, что уйдешь из дома. Я думал, он на тебя какую-нибудь херотонию наложит!

Мои руки изо всех сил сжали книги.

– Хиротония – это, вообще-то, рукоположение. Наделение правом совершать таинства и обряды. А не проклятие какое-то.

– А звучит как проклятие, согласишься? – хрюкнул от смеха Майкин.

– Ха-ха, – скривился я.

– И что ты теперь будешь делать?

– Не знаю. – Моя решительность испарилась. – Раз сказал, что уйду, то должен уйти.

– И куда пойдешь?

– Хм... Да хотя бы в ту же вашу общагу.

– Перед началом лета? – спросил Антоха. – Еще старая смена не съехала. Нужно дожидаться, когда старшекурсники получают дипломы и свалят, а это месяца через два-три, не раньше.

– Думаешь, свободных мест нет?

– Без понятия. Спроси. А на что ты теперь будешь жить?

– Об этом я еще не думал...

– Как вариант, есть куча подработок, – улыбнулся он. – Забыл? Ежова и полы мыла, и листовки раздавала, и в костюме большой котлеты зазывала народ в бургерную.

– Да, варианты всегда есть. Надо будет – котлетой поработаю.

– Может, передумаешь? Все-таки дома не так уж плохо. Они ведь не какие-нибудь сатанисты у тебя, а... – Он осекся под моим хмурым взглядом. – Понял, молчу.

– Это вряд ли. Я должен показать им, что у меня есть характер.

– А он есть?

– Есть!

– Правильно! – Антоха хлопнул меня по плечу. – Пора начинать настоящую жизнь. Без родаков! Долой крекер с молоком, даешь крепкие напитки! Привет, взросление! Пора начинать грешить, э-ге-ге-гей!

Я улыбнулся, поражаясь его неумемной энергии, а затем поднял взгляд и даже вздрогнул: в десяти шагах от меня стояла она. Лена. Руки вмиг стали непослушными, а ноги будто оторвало от земли. Я как в замедленной съемке следил за движением ее головы: вот сейчас она повернется, и мне нужно будет поздороваться. Вот сейчас, еще мгновение... А что потом? Подойти, поблагодарить ее? Или сначала представиться?

От мыслей об этом у меня перехватило дыхание. Я распахнул глаза, готовясь к такому важному моменту, как первое публичное приветствие друг друга, тряхнул головой, набрал больше воздуха в легкие, сделал еще шаг и... ничего не произошло. Лена равнодушно мазнула по мне взглядом, развернулась и заспешила прочь. И только грохот падающих книг привел меня в чувство.

– Растяпа! – бросил кто-то.

Но я не видел кто и принялся собирать упавшие учебники.

– Держи, – Майкин подал мне последнюю книгу.

– Спасибо, – вздохнул я.

Выпрямился, поправил очки, пригладил волосы, медленно на негнущихся ногах направился к питьевому фонтанчи-

ку.

– Вот же тупицы! – Антоха гневно зыркнул на хихикающих подружек Лены. – И как она их терпит? Они ж во! – Он постучал кулаком по своей макушке. – Дерево! Что с них взять, кроме анализов?

– Не знаю. – Я пожал плечами. – Может, у нее никого больше нет. Она... выглядит одинокой.

– Ну с этим скоро у нее будет порядок, да, братишка? – улыбнулся Антоха. – С таким мужичарой, как ты!

Его голос будто отколол сразу несколько кусочков с и так обветшалай брони моей уверенности.

– Подержи лучше. – Я протянул ему книги.

Наклонился к фонтанчику, повернул кран. Хрясь! Струя ударила мне прямо в лицо, попала в очки, забралась в нос, обрызгала губы и щеки. Ну почему так?

Кто-то за спиной громко заржал. Я быстро крутанул барашек, закрыл воду и отшатнулся от фонтанчика.

– Что, задохлик, обделался? – сказал Кошкин, приближаясь. – А ну посторонись, дай нормальным людям попить! – Он подошел, наклонился и плавно повернул кран. – Гляди, как надо.

– Главное достижение в жизни, поздравляю! – прорычал Майкин, пока я снимал свои очки и протирал краем рубашки. – Далек пойдешь!

– Ты что-то сказала, рыжуля? – выпрямился Харитон.

Качок стер капли с подбородка и прищурился, разгляды-

вая нас.

– Ничего, – буркнул я, взял за локоть друга и потащил в аудиторию.

– Почему ты не дал мне ответить? – возмутился Майкин. – Я хотел! Я бы ему!

– Почему? – Я отпустил его руку, остановился и еще раз протер линзы очков краем рубашки. – Потому что ты встал в позу боевого хомячка, а этот тип по сравнению с тобой – орангутанг! Дал бы разок в табло, и ты бы рухнул!

– По-твоему, меня это останавливает? – Антоха сжал кулаки. – Я не боюсь боли!

– Не все конфликты нужно решать дракой. Некоторые не стоят этого, поверь. Ты ничего ему не докажешь.

– Ты сейчас говоришь не как альфа-самец! – разочарованно надул губы Майкин.

Мы вошли в огромную аудиторию. Похоже, сегодня намечалось занятие нескольких групп сразу. Гул стоял такой, что взлетающий рядом самолет присутствующие и то заметили бы не сразу.

– Смотри, Кокошкин занял твое место, – шепнул Антоха.

– Ничего страшного, – вздохнул я, – сядем повыше.

– Не думал, что ты так легко сдашься, – буркнул друг.

– Что поделать!

Мы прошли вверх по ступеням и заметили машущую нам Ежову:

– Идите сюда!

– Привет! – Я пропустил вперед Майкина, сам протиснулся следом и занял место с краю.

– Приве-е-ет, – поздоровалась Оляка Еремеева, взмахнув рукой.

Она сидела справа от Насти.

– Только попробуй меня отвлечь от занятия! – вместо приветствия рыкнула Савина, глядя на довольно улыбающегося Майкина.

Отличница выглянула из-за Еремеевой. Она сидела с прямой спиной, сложив руки друг на друга поверх стола, совсем как прилежная школьница. На узкой столешнице перед ней расположился пенал, под ним – аккуратный строй карандашей и ручек. Я, конечно, тоже педант, но не настолько же! Аккуратность и скрупулезность Савиной меня откровенно пугали.

А вот Майкина – нет. Он улыбался ей, не обращая внимания на ее строгий взгляд.

Я положил книги на стол и замер, чувствуя, как становится не по себе. Безжалостный холод насмешек вдруг сменился жаром майского солнца. Слух отчетливо выхватил из общего шума знакомый звонкий голос. Я обернулся на звук и... столкнулся взглядом с Леной. Она сидела на три ряда выше нас вместе с подругами и смотрела прямо на меня.

Застигнутая врасплох, девушка дернулась, поспешила отвести глаза и продолжила разговор. Но по тому, как она вдруг едва заметно поджала губы и приподняла брови, я по-

нял: она меня заметила. Заметила!

Отвернувшись, я толкнул Антоху локтем:

– Эй!

– А? Что? – Тот с неудовольствием отвлекся от созерцания столь обожаемой им и вредной до невозможности Марины Савиной.

– Я не отступлюсь.

– Кто? Я? И в чем это я туплю? – с полоборота завелся он.

– Да не туплю! А не от-ступ-люсь! Я.

– Чего-чего? – удивился Майкин.

– Я добыю ее. Лена будет моей.

– Хм. Новая теория?

– Да! А еще решительные действия.

– И какие же?

– Похоже, тактильный контакт сработал. Нужно что-то очень действенное, чтобы закрепить его. – Я потер ладони друг о друга.

– Что?

– Так как у меня нет шансов против всех этих качков типа Кокошкина...

– Какашкина, – поправил друг.

– Да. Так как у Какашкина и его шкафообразных приятелей визуально имеются все преимущества, то мне придется подключать тяжелую артиллерию.

– Твой... интеллект?

– Нет, – я помотал головой, – химию!

– Чего? Естественно химию?

– У меня остался всего один шанс, и я обязан его использовать. Мне нужно поцеловать ее.

– А при чем тут химия? – удивился Антон.

– При том, что первый поцелуй никогда не забывается! Это послание, только без слов, лучший способ сообщить информацию о себе. Поцелуй изменит все!

Майкин тяжело вздохнул:

– Есть одна проблема, чувак.

– Это какая же?

– У тебя не было поцелуев последние... дай угадаю... семнадцать лет! А вот у нее – сомневаюсь!

– Неважно. – У меня почему-то ладони вспотели. – Это будет ее первый поцелуй со мной. Понимаешь?

– Нет, – нахмурился друг, – что-то никак.

– Есть у меня одна теория... – Я почти лег на стол, сначала удостоверившись, что девчонки заняты своими делами и не подслушивают нас. – Согласно ей всего один поцелуй может запустить процесс необратимой влюбленности.

– Занятно! – Антоха наклонился ко мне. – И чем ты собрался ее удивлять? Ты целоваться-то умеешь? Или собираешься крутить своим языком у нее во рту, как барабан стиральной машины?

– Об этом я не подумал...

– Ты не переживай. Тебе просто нужно потренироваться на ком-то!

– Исключено! – Я энергично замотал головой. – Не собираюсь тратить свои поцелуи просто так. У меня будет всего один шанс!

– Эй! Ты что, подсчитываешь свои поцелуи, чувак?

Я потер лоб.

– Пока это довольно просто: в моей копилке поцелуев... пусто.

В аудиторию вошел преподаватель, и шум сразу заметно стих.

– Ты понимаешь, что твои шансы... – Антоха наморщил лоб, – ...мягко говоря, пятьдесят на пятьдесят? – Он потер щеку и покосился на Савину. – Ты можешь помочь нашим отношениям развиваться либо спровоцировать их конец...

Мой пульс ускорился.

– Неожиданный поцелуй всегда застает врасплох – это раз. – Я загнул один палец. – Он запоминается навсегда – это два. – Загнул второй. – После него шанс на второй поцелуй всегда возрастает. Логично?

– Ну...

– А еще поцелуй передает вкусы, запахи, звуки и тактильные сигналы, которые влияют на восприятие друг друга и на то, захотят ли они поцеловаться снова. Мне просто нужно дать ей активный, решительный сигнал, сечешь? Тем более что для женщин поцелуи важнее, чем для мужчин. Особенно в романтических отношениях, особенно перед... сексом.

– Вау! – Майкин вытаращил на меня глаза. – Это прозвуч-

чало самонадеянно, но мне нравится.

Мои щеки моментально вспыхнули.

– Это просто научные факты. Я как следует изучил вопрос, знаешь ли.

– Нет, все верно, – заверил он, – надо ставить высокие цели.

– Да я вообще не об этом! – простонал я.

– Цыц! – прошипела Савина и буквально опалила нас гневным взглядом.

Мы тут же замолчали.

– Хорошо, – помолчав, прошептал Майкин, – мне нравится твоя идея. Мы подкараулим Гаевскую, нападём, свяжем, и ты сможешь ее поцеловать. Так нормально?

– Не-е-ет, – выдохнул я, – она должна поцеловать меня добровольно.

– Но неожиданно? О'кей, – хмыкнул он. – Что может быть проще? – Антоха прикусил губу. – И все же я вынужден настаивать: тебе нужно потренироваться.

– Только не предлагай мне целовать другую девушку! Я не хочу.

– Тогда... тренируйся на помидорах! – Друг едва сдерживался от смеха. – И обязательно сохраняй воздержание, чтобы в самый ответственный момент твоя слюна была высочайшей концентрации и сообщила о тебе как можно больше информации.

Он почти беззвучно заржал.

– Звучит мерзко, – поморщился я, пихая его локтем.

– Еще бы! Ты знаешь, сколько микробов в слюне?

Я кивнул.

– Двести семьдесят восемь видов бактерий передается во время поцелуя.

– Сколько?! – Антон округлил глаза.

– Двести семьдесят восемь, – пришлось повторить мне.

Майкин снова боязливо покосился на Савину.

– Но девяносто пять процентов из них совершенно не опасны, – заверил я, улыбаясь.

Лена

Наш дом изменился до неузнаваемости. И дело было даже не в том, что мама поменяла картины на стенах, мебель и другие предметы интерьера, а в том, что исчез привычный уют. Пропал запах выпечки, шум телевизора, смех домочадцев.

Из помещения словно исчезла жизнь. Остались лишь большие окна и вымытый до скрипа холодный каменный пол, укрытый старинным ковром с восточным орнаментом – у него в отличие от безликой мебели наверняка была богатая биография, но к истории этого дома он не имел никакого отношения. Все здесь теперь было чужим и новым, как и я сама.

– Мам! – тихо позвала я.

Приглушенные голоса доносились откуда-то с летней кухни.

С тех пор как ушел отец, мама прошла несколько стадий привыкания к новой ситуации: сначала она молчала и сутками валялась на кровати у себя в комнате, потом она воспряла духом, принялась за перестановку и все время смеялась, как

ни в чем не бывало. Потом снова впала в уныние, а теперь взялась за обустройство сада и веранды. Неужели ей стало лучше?

И вот теперь, шагая по коридору, я слышала ее смех.

– Мам! – повторила я негромко.

– Ой, – хихикнул кто-то.

– Это моя дочь, – раздался мамин голос. И уже громче: – Леночка, это ты?

– Да! – отозвалась я, подходя к кухне, и вдруг застыла, увидев, что мама там не одна. – Э... здравствуйте...

За столом рядом с мамой восседал наш сосед – Жан-Пьер. Невысокий седой и полноватый мужчина со смешными тонкими усиками, подкрученными вверх на манер Пуаро. Этот тип раньше постоянно пытался заговорить с мамой на улице на ломаном русском, когда отец не видел, и меня это ужасно раздражало. А теперь, когда папа ушел, у этого наглеца хватило совести заявиться прямо к нам в дом.

– Леночка, ты помнишь нашего соседа? – Краснея, мама подлила мужчине чая в чашку. – Месье Жан-Пьер любезно помог мне собрать стеллаж для цветов.

Они переглянулись, и у меня кольнуло в груди. Соседи так не переглядываются. Что это? Что эти двое скрывают? Он что... ухаживает за моей мамой?! Вот этот хмырь с нечесаными седыми волосами, торчащими во все стороны? Этот коротышка с проплешиной? Этот карикатурный француз с лицом, сделанным будто из кулинарного жира и бле-

стоящим на солнце?

– Бонжур! – улыбнулся мужчина.

– Да, помню. – Я с силой свела челюсти. – Здравствуйте.

– Мы пьем чай. Ты будешь? – спросила мама, поправляя волосы.

И они еще раз заговорщически переглянулись. Что здесь происходит?!

– Нет! – Развернувшись, я помчалась в свою комнату.

Какого черта?! У меня слезы моментально навернулись на глаза, совсем как у маленького ребенка. Да как она может?

Шмыгая носом, я влетела в свою комнату и хлопнула дверью так, что послышался треск. Скинула сумку с плеча, пнула по ней с досадой и упала на кровать. Закрыла ладонями лицо и всхлипнула. Ну почему?! Почему все в моей жизни идет через одно место?

Мама примчалась буквально через полминуты.

– Что ты себе позволяешь? – спросила она шепотом.

– У тебя что, шашни с этим убогим?! – Я вскочила. – А как же папа?

– Твой отец ушел. – Мать хлопнула себя по бедрам. – Не забывай, почему это произошло.

– Он же сказал тебе, что это все неправда! Она сама его поцеловала! Папа тебе не изменял! Ты что, ему не веришь?

Мама приложила палец к губам, призывая меня к тишине:

– Нина была девушкой твоего брата. А твой отец... он...

– Как ты можешь? – намеренно громко прокричала я. –

Даже месяц не прошел, все еще можно вернуть, а ты уже приводишь в дом чужого мужика!

– Никого я не привожу, Жан-Пьер – наш сосед, он просто вызвался помочь мне.

– Да слышала я! Ты... ты только посмотри на себя, – всхлипнула я, – ведешь себя, как последняя... ш... – Мои губы сжались добела.

Я все-таки не смогла это произнести.

– Давай! – Маму била крупная дрожь. – Скажи! Скажи!

– Пусть он убирается! – крикнула я.

– Нет! Это мой дом, Лена, – тихо сказала мама, – и я сама разберусь, кого мне приглашать. И как проводить время, тоже решу сама.

– Отлично, – усмехнулась я, но мой голос прозвучал жалко. – Не забудь предупредить, когда твой французишка переедет к нам, я сразу же уберусь отсюда!

Мама долго смотрела на меня, затем развернулась и пошла прочь.

– Завтра вечером мы с Жан-Пьером идем на балет, – произнесла она, замерев в дверях.

Я чувствовала, что могу сказать что-то, что остановит ее. Чувствовала, что должна подойти и просто обнять маму. Поддержать ее. Нам нужно поговорить о том, что происходит... Но вместо этого мне захотелось наказать ее. Сделать ей больно. А завтрашняя вечеринка – отличная возможность. И в ответ на печальный мамин взгляд я лишь высоко

задрала подбородок и процедила сквозь зубы:

– Хорошо отдохнуть!

Женя

– Зачем же ты так, сыночек? – сцепив руки в замок на груди, вопрошала мама.

Она ходила за мной по пятам, пока я собирал свои вещи в две просторные сумки.

– Ты же знаешь, что все, что делает отец, он делает для нашего блага.

Я молча продолжал складывать учебники и методические пособия в самое большое отделение одной из сумок. Знал, что если отвечу ей, если просто обернусь и посмотрю ей в глаза, то уже никуда не уйду. И дело было даже не в том, что все в нашей семье приучены к смирению и покаянию, а в том, что родители действительно не сделали мне ничего настолько плохого, из-за чего мне непременно нужно было бы покинуть этот дом.

– Я просто должен стать самостоятельным, мама.

– Ты не обязан уходить из дома, – продолжала она. – Поговори с ним, и все вопросы решатся.

В соседней комнате заплакала малышка Серафима, и мать привычно метнулась на ее зов, но вдруг остановилась в дверях. Она понимала, что, стоит ей отойти, и я уйду.

– Я уже сказал ему, что ухожу. Ничего не выйдет, мама.

Мы слишком разные.

– Нет!

Младшая сестренка перешла с жалобного плача на испуганные рыдания.

– Иди, Серафима проснулась, – напомнил я, будто мать и сама не слышала.

– Женечка... – Ее теплые ладони легли на мою спину.

– Все хорошо, мам! – Обернулся я. Заключил ее в объятия, крепко стиснул руки. – Я же не на край земли уезжаю.

– Как же я без тебя? – всхлипнула она.

Похоже, я действительно поступал достаточно эгоистично. Кто теперь будет ей помогать следить за младшими? Отец вечно в храме. Маме придется нелегко без моей помощи. Может...

В коридоре послышались тяжелые шаги. Я опустил руки вниз, а мама сильнее обняла меня и уткнулась лбом в мою грудь.

– Екатерина, – тихо, но решительно сказал отец, входя в комнату.

– Нет, Ваня, нет! Я его не отпущу! – расплакалась мать.

– Мам, там Серафимка плачет. – Испепеляя взглядом отца, я гладил ее по спине. – Пойди посмотри.

Папа казался спокойным и непроницаемым.

– Скажи! Скажи ему, ну! Он ведь сейчас уйдет! – Замотала головой мать, еще крепче цепляясь за меня.

– Это его решение, Екатерина. – Пригладив бороду, вздох-

нул отец Иоанн. – Он хочет стать мужчиной, мы должны позволить ему сделать это.

Его руки нервно разглаживали невидимые складки.

– Ладно, мне пора. – Я поцеловал мать в лоб и аккуратно высвободился. Подошел к кровати, застегнул замки на сумках, взвалил одну на плечо, другую взял в руку.

– Куда ты пойдешь? – жалобно пискнула мать, утирая слезы краем платка.

– Устроюсь в общежитии, – наврал я.

Перспективы ночевки на улице вызвали у меня желудочные спазмы.

– Сыночек! – Мать добела прикусила губу, но не посмела подойти ближе.

Отец не держал ее, но я знал, как сильна была его власть над ней. Матушка робко поглядывала на отца Иоанна и боялась сделать хоть шаг в мою сторону.

– Если ты все решил... – вздохнул отец, отходя и пропуская меня.

Я протиснулся в дверной проем, решительным шагом протопал в прихожую и обернулся. Слова застряли в горле плотным сухим комком. Я открыл рот, но... так и не произнес ничего. Просто улыбнулся матери, стоящей за спиной отца и лихорадочно комкающей пальцами ткань длинной юбки.

– Да благословит тебя Господь... – прошептала она и перекрестила меня.

Отец же только в очередной раз вздохнул.

– Ага! – Кивнул я и шагнул за порог – в неизвестность.

Я знал, что мать сейчас бросится к сестренке и будет рыдать. А потом она будет истово молиться обо мне.

А отец... Он ни за что не подаст вида, но, готов биться об заклад, будет делать то же самое, только втайне ото всех. Он считает, что я – его крест. И это даже хорошо, ведь каждому верующему непременно посылают испытания, которые проверяют на прочность его веру.

Только почему все опять упирается в религию, а?

Женя

Я вынес сумки на крыльцо, с трудом спустился по лестнице и бросил их на траву. Выдохнул. Они были такими тяжелыми, что у меня чуть глаза от натуги не выпали. Хорошо хоть Майкин приехал, чтобы помочь мне с переездом.

– Готов? – спросил он, подходя ближе.

– Ага.

– Давай одну мне. – Антоха наклонился, поднял одну из сумок и даже покраснел от натуги, взваливая ее на плечо. Когда он попытался поднять с травы свой велик, его шатнуло. – Эй, Жека, что там у тебя?

– Вещи, – ответил я, выгоняя из гаража свой велосипед.

Быстрый взгляд на окна позволил мне убедиться: мама, держа на руках мою годовалую сестренку, внимательно следила за каждым моим движением. Я коротко махнул ей на прощание, взвалил сумку на спину и продел лямки на манер рюкзака.

– Что за вещи? – Майкин с трудом залез на седло. – Рыцарское снаряжение? Меч, латы, кольчуга? Доспехи? Что там?

– Одежда, учебники, конспекты... – Я запрыгнул на велик. Меня качнуло от тяжести сумки. – Четыре тома энциклопедии...

– Четыре?! – простонал Антоха, выруливая на дорогу. – Ты чуть ли не единственный до сих пор не вымерший экземпляр студента, кто активно пользуется своим читательским билетом! Если ты и так не вылезашь из библиотеки, то зачем еще таскать с собой четыре... Четыре!!! Тома энциклопедии?!

– Просто я сейчас дочитываю четвертый том и иногда возвращаюсь к первым трем, чтобы освежить память...

– Четыре, бро! Ты слышал о такой штуке, как Интернет? А?

– А в той сумке, которая у тебя, – продолжил я, отчаянно крутя педали, – у меня собраны элементы для нового проекта на конкурс.

– Какого? Опять соревнования по этим бестолковым сооружениям?

– Не называй их бестолковыми! – возмутился я. – Машина Голдберга отлично развивает мозги, а еще это... это... творчество!

– Ты хочешь сказать, что моя спина отваливается, потому что в твою сумку напихана куча ненужного хлама для твоих так называемых изобретений?!

– Инсталляций, – поправил его я.

– Ты серьезно?! – Его велик вильнул в сторону.

– Вообще-то, да.

– Мой друг – сумасшедший, – картинно вздохнул Майкин.

– Может быть, но совсем капельку.

– И куда ты повезешь этот хлам? Уже решил?

– Пока к тебе в общагу, – виновато улыбнулся я. – Посплю на полу. А если комендант не заметит, то меня и не выгонят. А там что-нибудь придумаю. Наверное.

– Круто! – Похоже, Майкин не ожидал такого поворота.

– Ну ты же не выгонишь друга на улицу?

– Конечно, нет, – ответил он, почему-то не глядя на меня.

– Не злись на меня! – попросил я, вцепляясь в руль.

– Я злюсь из-за того, что мне приходится везти на себе больше десяти килограммов всякой ерунды для очередного малополезного изобретения!

– Знаешь что? – Я ускорился, чтобы вырваться вперед на широком участке дорожки. – А ведь вы с Савиной созданы друг для друга. Могли бы состязаться в том, кто кого переборчит.

– Ну извини! – Он догнал меня и раскинул руками так, что велосипед резко сменил траекторию движения. Антоха еле успел выровнять руль, чтобы не съехать в кювет.

– И я не считаю свои машины бесполезными. В них все как и в жизни: простое достигается сложным путем. Если поменять одну деталь в схеме, то и конечный результат будет другим. А везение складывается из замысловатой последовательности событий. Совсем как у нас с Леной: если бы она

вовремя сдала свою методичку, мы бы не встретились в библиотеке. Если бы она не поехала на экскурсию, я не оказался бы в том автобусе. Если бы ее подружки не бросили ее, то я не сел бы с ней рядом. Если бы не пчела... – Я запнулся на полуслове, вспоминая события того дня. – Ужас...

Антохин велик подскочил на кочке, и из сумки за его спиной послышались треск и скрежет.

– Расскажи-ка мне поподробнее о своей новой инсталляции, чувак, – глядя на меня с подозрением, попросил он.

– О, она жутко интересная, – оживился я, – вначале косяшки домино падают, запуская цепную реакцию! Они толкают мяч, тот катится по трубе и падает на одну чашу весов...

– У меня что, весы за спиной?! – заорал Майкин.

– Весы подталкивают шарики, которые попадают в воронку, они катятся по лабиринту, пока по ним не ударяет клюшка для гольфа.

– И клюшка тоже там?!

– А потом молоток... – Я прикусил губу, заметив его возмущение.

– Ах ты! – Друг сплюнул в траву. – Я думал, что помогаю тебе! Что везу что-то нужное! А ты... ты... ты ж просто куркуль! Хомяк, собиратель, человек-кубышка! Плюшкин!

– Но это ж все для дела! – возразил я.

– Это мусор! Ненужный и тяжелый мусор, бро! – Майкин ускорился, чтобы оторваться от меня.

Мне тоже пришлось быстрее крутить педали, чтобы не отставать.

– А потом молоток, – крикнул я, пытаюсь выровнять дыхание, – попадает по банке с веревкой! Затем рельса...

– Чего-чего?! – перебил он меня. – Что ты сказал?! Повтори!

* * *

Когда мы добрались до общаги, Антоха был уже красным как рак. Да и мое лицо имело цвет отварной креветки. Дыхание восстанавливалось с трудом. Похоже, действительно не стоило тащить с собой сразу все материалы для инсталляции. Да и вообще: при желании можно было собрать проект из подручных материалов, ведь чем оригинальнее его составляющие, тем больше шансов выиграть в конкурсе.

– Что? Что ты там шепчешь себе под нос? – Антоха навалился на дверь всем телом.

По-другому открыть дверь сил у него не хватило бы.

– Ничего. – Я выставил ладонь в попытке придержать дверь, но меня оттолкнуло на пару шагов назад. Пришлось упереться ногами в пол и боднуть злосчастную дверь головой и плечом. Да, мы порядком устали. – Я не шепчу, я просто ды-шу.

– Что, силенок не хватает? – утирая пот со лба, отозвался друг.

Я вошел в холл, но сумка внезапно застряла в дверях. Дернулся, но меня лишь потянуло назад.

– Давай помогу! – Покачиваясь от тяжести ноши, Майкин подошел ближе и приоткрыл дверь.

– Спасибо! – поблагодарил я.

– Ты мне теперь до конца жизни должен будешь! – проворкотал он. – Я десять километров ехал в гору, навьюченный как ишак!

Я поправил очки.

– Зато мы можем легко подсчитать, сколько энергии ты потратил. Час езды на велосипеде расходует четыреста пятьдесят килокалорий плюс утяжеление... Если правильно рассчитать вес рюкзака и ширину лямок...

– Здравствуйте! – бодро рявкнул Антоха, улыбнувшись коменданту.

– Здравствуйте. – Старичок наклонился на стойку, чтобы внимательно рассмотреть, что мы несем через пост. – Майкин, а что это у тебя там?

– Учебники, Поликарп Семеныч! Учебники! Не рельсы же!

– А куда так много?

– Так программа ж новая. Беспощадная! – Антоха бросил на меня свирепый взгляд. – Надо все учебники знать от корки до корки! Как «Отче наш»! Иначе экзамены не сдать.

– Не жалеют вас, – покачал головой комендант. – Совсем не жалеют!

– Что встал? Шевели лавашами! – прорычал Майкин. – Сейчас оставит тебя на улице с твоим багажом! Ну живее!

Я ускорил шаг, пытаясь сообразить, откуда у меня взялись силы, чтобы вытащить эти сумки из дома?

– Вот моя комната. Ты только на моего соседа не обращай внимания, – предупредил друг. – Марли – чувак со странностями, но добрый. Если не будешь его бесить, он тебя не тронет.

– С какими странностями? – только и успел сказать я, прежде чем Антоха толкнул дверь в одну из комнат.

В воздухе висел плотный и густой табачный дым.

– Эй, бро, ты ошизел? – раздался голос откуда-то из серой дымки.

– Быстро заходи! – Майкин втолкнул меня внутрь, вошел сам и закрыл дверь на щеколду. – А ты не ошизел? Курить среди бела дня прямо в комнате? Хоть бы окно открыл!

Друг попытался закинуть мою сумку на кровать, но та с грохотом рухнула прямо на пол. Он махнул рукой, открыл окно, и дым, заполнивший помещение, мощным потоком ринулся на волю.

– Я не мог открыть окно, бро, – расслабленно и неспешно проговорил голос. – А если бы меня увидели снизу?

– Чувак, ты даже не закрылся! – размахивая руками, выкрикнул Майкин. – Хорошо, что это мы пришли, а не Поликарп!

– Вы? – так же медленно и спокойно. – А ты с кем?

Я закашлялся горьким дымом. Из рассеивающейся сигаретной дымки показалось смуглое лицо: узковатые глаза с недоверчивым прищуром, тонкий нос, пухлые губы с блестящим пирсингом. Но больше всего меня удивила прическа незнакомца – десятки длинных черных косичек, связанных в узел на макушке.

– Знакомься! – Антоха ударил незнакомца по плечу. – Женька, это Марли, самый мировой чувак на свете. Марли, это Женька – гений мысли, мастер распорядка и маэстро будильника. Немного зануда, но это не страшно, ведь он поспит у нас одну, две, может... три ночи, пока мы что-нибудь не придумаем.

Продолжая кашлять, я пожал тощую руку обладателя косичек.

– Ну, здароу, – хмыкнул чувак. – Как сам?

Дым почти рассеялся.

– Нормально. – Я покосился на друга: – Ты же говорил, что живешь с татаринoм? Со строительного факультета, кажется.

– Ага, – радостно улыбаясь, кивнул Антоха. – Это он и есть. Добродушный и гостеприимный Марли. В миру просто Марат.

– Аа-а-а.

Марли многозначительно кивнул:

– Мой дом – твой дом.

– А Марли... это потому что... – Я прочистил горло, созерцая сизый дым, устремившийся в раскрытое окно.

– Да-да, – радостно закивали они оба, подмигивая друг другу. – Да-да-да!

– Это вообще законно? Что он курит тут?

Парни напряженно переглянулись.

– У тебя с этим проблемы, бро? – спросил татарин.

– Не-не. – Антоха оживленно замахал руками. – Ничего такого! Жека – свой парень. – Грозно посмотрел на меня: – Жека, расслабься. У нас все по закону. Марли курит только зверобой и подорожник, а их даже программа «Здоровье» одобряет.

– Ты имеешь что-то против курения, бро? – разочарованно надул губы Марли.

– Я-то нет, а вот Минздрав... – не удержался я.

– Так, тихо! – Майкин усадил меня на кровать. – Только не заводись. – Он обернулся к соседу: – А ты лучше с ним не спорь, ладно? Если Исаев загрузит тебя энциклопедическими понятиями, то тебе не выкарабкаться, чувак. От полученных знаний можешь скончаться.

– О'кей, молчу. – Марат поднял руки.

– И как я здесь выживу? – тихо простонал я, отгоняя от себя остатки дыма.

– Не пессимизди! – решительно приказал Антоха. – Постелим тебе на полу, возьмешь мою подушку. Марли! – Он повернулся к соседу: – Марли, не кури больше здесь, лады?

– Не вопрос. – Улыбнулся тот. – Женя, можешь даже взять мой стол, чтобы заниматься. Я все равно этого никогда не

делаю. Только не шарь по ящикам, ладно? Там... трава сушится. Ну... эта... мята. Пью иногда, чтобы нервишки успокоить. Понимаешь?

Я уставился на Майкина.

– У нас тут весело. – Пожал плечами он. – Ты располагайся...

– Схожу за водой. – Марли взял чайник. – Попьем чаю с молоком в честь приезда гостя.

– С молоком, ага, – недоверчиво повторил я за ним.

Но не успел Марли сделать шаг, как запнулся о стоявшую сумку и растянулся на полу.

– А-ай! – Он схватился за ногу. – Что у вас там? Кирпичи?!

– Вообще-то, нет, – виновато пробормотал я. – Там необходимые детали для моего проекта: баскетбольное кольцо, зонт, вешалка, колесо... Ну и еще кое-что...

– Наковальня? – кряхтя, предположил татарин.

– Ох, а это идея! – вдруг задумался я. – Если молот ударит по наковальне...

– Я бы все его изобретения, – проворчал Майкин, оттащив сумку в угол, – в музей человеческих идиотизмов! Да желательно под бронестекло! Чтобы другим повторить подобное и в голову не приходило.

Женя

У нас дома никогда не было особенно тихо. Я с детства привык к тому, что младшие сестры и братья вечно дерутся, делят что-то, громко кричат, стучат мячом или хнычут. Просто во всем этом у меня хорошо получалось отключаться и не реагировать на посторонние звуки. Даже когда Серафимка ночью начинала ворочаться в соседней комнате, кряхтеть или всхлипывать, я просто поднимался с кровати, шел к ней, садился рядом, брал ее за ручку и тихонько нашептывал что-нибудь. Например, о теории взаимосвязанности или о звездном свете, идущем к нам сквозь миллиарды лет.

Фима сразу переставала капризничать и слушала меня. Или перебиралась ко мне на руки, и мы смотрели с ней вместе на звездное небо. Потом я недолго укачивал ее и укладывал обратно в кроватку.

Сейчас мысли о доме больно теснили грудь. А еще напоминали о том, что, возможно, я погорячился, когда так поспешно собрался и ушел из семьи. Ведь я скучал. Сильно. По беспорядку, по хаосу, по разбросанным всюду игруш-

кам и по вечно загруженной заботами маме. И даже по отцу немного скучал. И по его строгим наставлениям...

– И каждый раз у вас так? – спросил я.

– А? – Марли снял один наушник. – Ты что-то сказал?

Парень, лежа на кровати в цветастых брюках, темной толстовке и забавной черной шапочке с загнутыми в несколько раз краями, слушал музыку.

– Я говорю, часто у вас так?

– Как? – Он сузил глаза, превратив их в две тонкие черточки.

– Шумно, – ответил я, подставляя свой учебник под настольную лампу.

Антон уже преспокойно спал, а за стенкой так громко бахало, что у меня книга на столе подпрыгивала. Похоже, соседи решили устроить вечеринку.

– Это разве шумно? – отмахнулся Марли. – Вот начнется сессия, и они будут каждый сданный зачет и экзамен отмечать с таким размахом, что проще будет присоединиться, чем пытаться спать в наушниках. А в прошлом семестре эти придурки вообще приперлись ночью, вытащили нас, спящих, прямо на матрасах в холл, поставили рядом стаканы с водой, накрыли их кусочками черного хлеба и рядом повесили табличку «Объявляем голодовку». Я проснулся утром, а вокруг куча народу, и все ржут!

– Антоха мне не рассказывал...

– А кому ж приятно рассказывать о том, как ты лоханулся?

Я кивнул. Все верно.

– И что, нельзя ничего поделаться? Почему комендант их не приструнит?

– Так он же почти глухой, не слышит. – Марли пожал плечами. – А если нажалуемся, то соседushки нам дверь заколотят гвоздями. Попробуй потом выйди.

– Понятно, – вздохнул я.

– А ты поднимись на этаж выше – к девчонкам. Там у них обычно тише.

– Спасибо. – Я встал, взял учебник и направился к двери. – Пожалуй, так и сделаю. Нужно готовиться, скоро зачет.

– Ага. – Марли подмигнул, вставил в ухо наушник и принялся кивать головой в такт ритму.

Я вышел и под доносящиеся из соседней комнаты шум голосов и музыку побрел наверх. Марли оказался прав: у девочек действительно гораздо тише. Коридор был пуст, и мне удалось вполне комфортно устроиться на подоконнике. Я сел, вытянул ноги, достал телефон. Проверил – пропущенных звонков от родителей не было. Спокойно достал книгу, открыл на нужной странице и погрузился в чтение. Или в сон...

– Исаев, это ты? Что ты здесь делаешь? Исаев!

– А-а-а! – заорал я, открывая глаза.

Демоны? Демоны! Один из них, с синим лицом и большими выпученными глазами, наклонился надо мной и тряс за плечо.

– А-а-а!

– А-а-а-а! – закричал в ответ демон визгливым женским голоском. И отшатнулся.

Розовая пижама с жирафом, плюшевые тапочки, пучок на голове... Кого-то этот демон в обличье Бабы-яги мне напоминал...

– Марина? – дрожащим голосом спросил я.

Савина покрутила у виска:

– Да! И что орать-то?

Я потер глаза, приподнялся, спустил ноги с подоконника:

– Что с тобой?

– Со мной? – переспросила девчонка.

– Ну да! – Я обрисовал в воздухе область возле своего лица. – Ты почему вся синяя?

– А-а-а, ты про это... – Синее лицо блеснуло широкой улыбкой. – Так у нас с девочками пижама-пати. Занимаемся, готовимся к зачету. Делаем маски для лица. Девичник, в общем.

Я провел ладонями по лицу, отгоняя остатки сна:

– Маски?

– Ага. Из голубой глины. А ты что здесь делаешь?

– Я... – Подхватив учебник, спустился с подоконника вниз. – Я тут живу. Временно.

– В женском крыле на подоконнике?

Я покраснел под ее заинтересованным взглядом.

– Нет. У Майкина. На матрасе под окном.

– Родители выгнали? – понимающе хмыкнула она.

– Сам ушел.

– Идем! – Маринка схватила меня за руку и потащила за собой.

– Куда?

– Идем-идем!

Уже через несколько минут мы сидели в комнате девочек на полу вчетвером: Ольга Еремеева, Настя Ежова, Марина Савина и я. Они в пижамах, я в своей обычной одежде. Единственное, чем мы не отличались, это масками на лицах. В знак посвящения в пижамный клуб мне тоже нанесли чудодейственную глину на лицо.

– Это точно глина, а не навоз? – скрещивая ноги на манер йога, спросил я.

Три пары строгих глаз моментально впились в мое лицо.

– Точно-точно!

– А то пахнет...

– Это эфирное масло, – успокоила Марина, – мы добавили пару капель для продления молодости кожи. Так еще Клеопатра делала.

– Ух ты, – удивился я, – вот Антоха обалдеет, когда узнает.

– Первое правило клуба! – напомнила Ольга, поднимая вверх палец.

– Никому не говорить о существовании клуба! – почти одновременно произнесли девочки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.